
НИНА КОЛЫБЕЛЬНИКОВА
(НЕ)ИСТИННАЯ
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Нина Колыбельникова

(лже)истинная генерала-дракона

«Литнет»
2026

Колыбельникова Н.

(лже)истинная генерала-дракона / Н. Колыбельникова — «Литнет», 2026

— Ты подделала метку истинности, пробралась в мой дом, чтобы отравить. И теперь тебе смешно?Первое, что я слышу, когда открываю глаза в незнакомом мире. Вчера врач-онколог, сегодня жена дракона, которую обвиняют в попытке убийства и государственной измене. В наказание меня изгоняют. Приходится ютиться в небольшом, забытом богом поселении на суровом Севере. Вокруг меня такие же изгнанники, и чтобы хоть как-то выжить, я делаю единственное, что у меня хорошо получается — спасаю жизни. Однако прошлое вновь меня настигает, и я обязана встретиться с ним лицом к лицу, чтобы разгадать все тайны и найти свое счастье.

© Колыбельникова Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
От автора 9
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 39
Глава 10 45
Глава 11 49
Глава 12 53
Глава 13 57
Глава 14 61
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Глава 1

— Ох, милорд, так жаль… Мне так жаль, что вам пришлось с этим столкнуться…

Нежный женский голос доносился до меня словно сквозь вязкую пелену.

Голова раскалывалась настолько, что страшно было открыть глаза. Однако долго оставаться в неведении нельзя, тем более когда рядом с тобой разговаривают странные, незнакомые люди.

Милорд? Что за бред? Мы же не в Англии. Только потом я поняла, что слышала и понимала говор на совершенно другом, непонятном мне языке, а мозг все интерпретировал так, чтобы я разбирала смысл сказанного.

— Я не могу поверить, — ответил девушке низкий мужской голос с надрывом. — Нет, это какая-то ошибка. Эда не могла… Нет, не верю.

— Понимаю вас. Как же я вас понимаю, — продолжал жалостливый женский голос. — В это трудно поверить. Но вы можете сами убедиться, только посмотрите на ее руку. Метка истинности исчезла.

Раздался быстрый топот ног, и, как только я почувствовала бережное, можно сказать, невесомое касание к руке, я набралась сил и открыла глаза.

Мягкий свет от зажженных по всей комнате свечей ненадолго ослепил, но я быстро пришла в чувство. Так как мужчина, который склонился над моим телом, был мне не знаком.

— Отпустите, — прохрипела я, с ужасом осознавая, что происходит что-то не то.

Голос, пусть и осипший, но был не мой. Комната чужая, богато обставленная в каком-то средневековом стиле, когда стены декорировали бархатом, а не обоями. К тому же взгляд не зацепил ни одного светильника или люстры, только свечи в изысканных подсвечниках на длинной ножке.

Мужчина послушался меня. Он тут же отстранился, а я с трудом присела и попыталась оценить обстановку. Последнее, что я помнила, — я почти подъехала к своему частному дому, беспокоясь о сестре. Сиделка позвонила в разгар рабочего дня и сообщила, что Аннушка больше не дышит. Кажется, я так торопилась и настолько была ослеплена слезами, что на последнем перекрестке пролетела на красный. А затем визг колес, громкий сигнал, и перед глазами ярко полыхнуло. И только мысли, что я не смогла помочь Анне, не успела и даже не попрощалась, никак не покидали меня.

Сейчас же я находилась в неизвестном месте. И если раньше я с беспокойством оглядывала комнату, то сейчас опустила глаза и посмотрела на свое тело. Вместо строгого костюма — длинное платье изумрудного цвета, а на плечах я увидела россыпь рыжих волос. А ведь я всю жизнь проходила с темно-русым и только ближе к тридцати сделала мелирование, чтобы первая седина была не так заметна.

Мне стало страшно. Мысли о сестре, странной комнате покинули голову. Я подняла дрожащие руки, на пальцах которых красовались кольца, затем прикоснулась к лицу, к гладкой коже, будто мне было не тридцать два, а девятнадцать.

— Какого?..

Голос мой стал чище, и я окончательно убедилась, что я — это не я.

Паника накрыла меня с головой. Дыхание участилось, к лицу прилила кровь, а на глазах выступили слезы.

— Что со мной происходит? — обратилась я к мужчине, единственному человеку, которого сейчас видела.

Высокий, широкоплечий блондин. Глаза его были голубыми, словно чистое озеро, на лице присутствовала небрежная щетина, волосы длинные, чуть ниже плеч, но это ничуть не умаляло его красоты. Наоборот, мужчина выглядел мужественным. Это было заметно по ост-

рым скулам, волевому подбородку и тому, как он держался. Будто не просто человек, а царь и бог.

Хотя, судя по тому, что к нему обращались «май лорд», то он явно не последний человек в этой комнате. Как назло, в голове всплыл персонаж из фэнтезийного мира, к которому тоже обращались «май лорд», лорд Волан-де-Морт в общем, только тот не был таким красивым. Это сравнение, вкупе с моими непонятным пробуждением, вызвало во мне улыбку и нервный смешок.

— Тебе смешно, Эда? — холодно припечатал незнакомец, отчего у меня мурашки побежали по коже. Пару минут назад голос его был теплее. — Ты подделала метку истинности, пробралась в мой дом, чтобы отравить. И теперь тебе смешно?

О чем он вообще говорит? Какое предательство?

Собрав в себе последние остатки сил, я поднялась на ноги, с трудом игнорируя резкую боль в висках и головокружение.

— Предлагаю закончить это представление, — прохрипела я. — Я без понятия, что здесь происходит, и ничего не помню. Предоставьте мне горячую ванну, чай, таблетку обезбола и хотя бы час времени в одиночестве, после чего мы с вами поговорим и все обсудим.

За это время я хотела прийти в себя, попробовать разобраться в происходящем и понять, как действовать дальше, потому что сейчас в голову не приходило ни одной здравой мысли.

Мужчина от моих речей основательно прифигел. Это на его лице отобразилось, а вот девушка, чей голос я слышала, пока была в бессознательном состоянии, наконец-то показалась из-за спины хозяина.

Вот такая широкая была у него спина, что за ней можно было даже не увидеть целого человека. Хотя девушка эта была такой миниатюрной и хрупкой, что за спиной милорда могло уместиться целых два подобных экземпляра.

Ее светло-зеленые глаза смотрели на меня со смесью страха и отвращения. Нижняя губа девушки дрожала, словно она хотела заплакать. Сама невинность, само очарование.

— Да как вы смеете так с ним разговаривать? — пискнула она тоненьким голоском. — Он… он все для вас. А вы…

— А я?

Бровь моя выгнулась в удивлении, а к горлу подкатил неприятный ком, да и слабость вновь нахлынула волнами.

— Габри, прошу тебя, не лезь, — тихо попросил ее мужчина, не сводя с меня пристального взгляда.

— Но как же… — с надрывом начала она. — Она же унижает вас, а до этого хотела убить. Я с самого начала заподозрила что-то неладное. Видела, как она смотрела на меня каждый раз, когда я входила в гостиную и приносила вам рабочие письма. Я же говорила, что она ревнует меня к вам. А вы не верили. Хотя это и глупость, такой мужчина, как вы, никогда бы не стал. А я так надеялась… надеялась на ваше счастье. Хотела стать второй матерью для ваших детей…

— Так подозревали меня или надеялись? — не поняла я.

Габри охнула, прикрыв рот ладошкой и качая головой.

— Вот видите. Она и сейчас продолжает грубо со мной разговаривать, а ведь я ничего ей не сделала, милорд Блайт. Всегда с добром, всегда с любовью…

И столько приторности в этих словах, столько фальши…Неужели я одна ее замечаю? Судя по тому, с каким сосредоточенным видом милорд ее слушал, — да. Он ничего подозрительного в ее словах не видел.

— Даже после того, как она попыталась вас отравить…

— А вот этого не надо! — возмутилась я. Еще в убийстве меня не обвиняли. Да я этих людей впервые в своей жизни вижу, к тому же «Клятва российского врача» не позволила бы мне нанести вред здоровью человека. — Я никого не травила.

— Не врите, — покачала головой Габри, и на мгновение мне показалось, что в ее глазах блеснуло торжество. — Я самолично поменяла ваши с милордом Блайтом чашки во время чаепития, когда случайно заметила, что вы в его чай что-то подмешали. Так что ничего у вас не получилось. Вы самостоятельно приняли яд, которым хотели отравить собственного супруга. И если бы он не сжалился, если бы не влил в вас противоядие, вы бы были мертвы.

Какой яд? О чем говорит эта девушка?

Мой организм настолько воспротивился ее словам, что тугой ком в горле превратился в тошноту. Слабость дала о себе знать, и я не выдержала. Быстро оглядела помещение в поиске ведра или хотя бы вазы, но успела лишь отвернуться, как из моего рта выплеснулась черная субстанция.

Эта гадость полилась на бордовый ковер оставляя на нем зловонное пятно. Одно радовало в этот момент: в голове моей прояснилось, и я стала чувствовать себя намного лучше.

— Что и требовалось доказать, — фыркнула Габри, отворачиваясь. — Милорд Блайт, я не могу на это смотреть. Вы не заслужили к себе такого отношения. Мне так жаль… так жаль.

Голос ее задрожал еще больше, будто девушка могла в любой момент разрыдаться, а я с удивлением смотрела на странную субстанцию, которая вышла из моего организма, и окончательно удостоверилась, что схожу с ума. Я будто в фильм ужасов попала, осталось только понять, кем я являюсь: злодейкой или жертвой.

— Эда, — услышала я позади себя тихий мужской голос. — Посмотри на меня.

Я обернулась и посмотрела в глаза милорду. И столько боли в них было, столько сожаления, что я непроизвольно поежилась.

— Как ты могла? — хрипло поинтересовался он. — Я верил. Я…

Договорить он не успел. Дверь в комнату распахнулась, и к нашей компании прибавилось еще одно действующее лицо. Широкоплечий мужчина, с темными волосами, подстриженными под ежик, в форме, похожей на служебную, — возможно, даже военную.

Он размашистым шагом приблизился к милорду Блайту и протянул ему в руки флакон и какие-то бумаги.

— Милорд Блайт, — сухо произнес он, — леди Габриэлла оказалась права. Мы обыскали личные покои вашей супруги и нашли флакон с остатками яда и вот эти записи, где она высчитывала дозировку, необходимую конкретно для вас. Я удивлен, что, приняв яд, она вообще выжила. Также в тумбочке мы наткнулись на дневник леди Эдаллаиды, где она детально описывала результаты своих экспериментов по подделке метки истинности. Боюсь даже представить, у кого еще находятся эти исследования, боюсь, это больше похоже на заговор.

Я искренне не понимала, о чем идет речь, и только по знакомым именам сделала выводы, что меня хотят обвинить не только в попытке убийства, но и в государственной измене.

Боже, куда я вообще попала?

— Это не мои бумаги, — с уверенностью заявила я.

— Считаешь, что тебя подставили? — нахмурился милорд Блайт и стал внимательно вчитываться в переданные ему документы.

Лицо его побледнело, обнажая острые скулы, а губы поджались, превращаясь в тонкую линию.

И как только я снова встретилась с ним взглядом, то поняла, что жалости и боли в его глазах больше не было. Только злость и желание убивать.

— Это твой почерк, — холодно произнес он.

— Это еще не все, — продолжил мужчина в форме. — В ее покоях мы нашли служанку. Она была без сознания, лекарь спас девушку в последнюю минуту. Бедняжка ничего не помнит, скорее всего, леди Эдаллаида, прежде чем убедиться в необходимой дозировке, отравила и ее. Это чудо, что она выжила.

— Ох, — снова вздохнула Габри, — бедняжка. Надеюсь, память к ней скоро вернется, и она сможет разоблачить свою хозяйку.

Я прикрыла глаза в попытке успокоиться. Просто замечательно. Мне было мало одного убийства и госизмены, как судьба подкинула еще и второе на сдачу.

— Мне нужен законник, — я с трудом сохранила спокойствие в голосе.

В своей голове я произносила слово «адвокат», это уже новый диалект по-своему перефразировал мое слово, но милорд Блайт никак не отреагировал на мою просьбу, теперь он обращался только к мужчине в форме.

— Глайт, с этого момента моя… супруга должна находиться под стражей. В покои ее больше не впускать, личные просьбы леди Эдаллаиды не выполнять, посетителей не водить, пока я не приму окончательное решение.

— Где прикажете ее разместить? — серьезным тоном поинтересовался Глайт.

— В подвале с крысами ей будет самое место, — безразлично ответил милорд Блайт, даже не посмотрев в мою сторону.

— Что?! — вспыхнула я. — Вы не можете так со мной поступить! Я не виновата! Я ничего не делала! Я вообще без понятия, как сюда попала! Я не Эдаллаида!

— Кому прикажете взять на себя хозяйственное управление? — поинтересовался Глайт, пропуская мимо ушей мое признание. — Леди Эдаллаида недавно уволила экономку и сама принимала решения по хозяйству.

Милорд Блайт перевел взгляд на притихшую Габри.

— Габри, — обратился он к ней, — я понимаю, что о многом тебя прошу, но не могла бы ты взять на себя обязанности хозяйки дома, пока я не найду новую экономку?

— Конечно, милорд, — с придыханием ответила Габри и, прошелестев своим платьем, присела в изысканном реверансе. — Я выполню для вас любую просьбу.

От автора

Дорогие читатели, приветствую вас в своей новой истории =)
Впереди нас ждет увлекательное путешествие. Книга участвует в литмобе "Фальшивая истинная для дракона"
https://litnet.com/shrt/f-_s

Глава 2

В подвал меня сопроводили быстро. По дороге я пыталась достучаться до здоровяка Глайта и убедить хотя бы его, что произошла какая-то ошибка мирового масштаба, но мужчина даже бровью не повел. Он тащил меня по коридорам, крепко сжимая руку и не проронив ни слова, да так, что на моем запястье наверняка останутся синяки.

Глайт шел настолько быстро, что я с трудом за ним поспевала. Ноги то и дело путались в платье, и несколько раз я чудом не упала, стальная хватка мужчины не позволила. Жители дома, в котором я оказалась, с интересом наблюдали, как меня волокут у всех на глазах, к кому-то я даже попыталась обратиться за помощью, но в ответ получала либо язвительные улыбки, либо взгляды, полные сожаления. Против Глайта никто не пошел.

Стоило оказаться в подвале, как железную дверь за моей спиной закрыли, отрезая от внешнего мира. В помещении было жуть как холодно, а на ногах у меня были комнатные туфельки, если так пойдет и дальше, то я застужу себе почки. Поэтому, недолго думая, я разорвала нижнюю юбку платья, благо их оказалось много, и обмотала тканью лодыжки в тонких чулках. Не сказать что от этого стало теплее, но хоть что-то.

В помещении, как и в любом подвале, было не только холодно, но еще темно и сыро. Окна на улицу отсутствовали, лампочек я и в самом доме не заметила, однако даже свечи для меня пожалели. По сути, меня оставили без всего. Не знаю, сколько милорд Блайт будет думать по поводу моего дальнейшего будущего, но долго я здесь не протяну.

Время в заточении шло по своим специфическим законам, когда ты не можешь понять, прошел час или пятнадцать минут, но в итоге слабость повторно дала о себе знать. Мне нужно было хотя бы присесть, но кроме голых стен в подвале больше ничего не было, поэтому пришлось приземлиться на ледяной пол.

Было так холодно, что я начала дрожать. Меня морозило, клонило в сон, но я прекрасно понимала: стоит закрыть глаза, и велика вероятность, что я их больше не открою.

Чтобы как-то скоротать время, я попыталась сконцентрироваться, абстрагироваться от холода и начала обдумывать происходящее.

То, что я нахожусь не на Земле и даже не в родном теле, я уже поняла и приняла данный факт. Видимо, авария прошла для меня с летальным исходом, и моя душа переместилась в чужое тело. Вопрос только в том, что случилось с прошлой хозяйкой? Она умерла от собственного же яда? Заговорщица из нее так себе, раз ее так легко обвели вокруг пальца. Одного только не понимаю, почему я должна расплачиваться за чужие грехи?

Ангелом меня сложно было назвать, в Бога я особо не верила, но всегда жила по совести, придерживаясь принципа — как ты будешь относиться к человеку, такое же отношение получишь в ответ. Своей семьи у меня не было, родители погибли пять лет назад, тоже в автокатастрофе, оставив нас с сестрой одних.

Однако сестра у меня болела раком, который постоянно то уходил, то возвращался. Он мучал ее с одиннадцати лет, то даря, то забирая надежду на полное выздоровление. Ради нее я закончила медицинский по направлению «Лечебное дело», затем ординатура и профессиональные переподготовки по онкологии. Я положила всю жизнь на то, чтобы найти хоть какой-то способ помочь сестре, и последние пару лет работала в исследовательском институте, дабы разработать то самое лекарство, которое избавит людей от мучений.

Вот только я не успела. Один страшный звонок, где мне говорят, что сестра скончалась, и у меня будто пелена перед глазами.

Зачем я в таком состоянии села за руль? Почему не вызвала такси? Надеюсь, хотя бы второму водителю повезло, и он выжил.

Тем не менее, во что бы я ни верила, оказалось, душа все же существует. Иначе как еще объяснить, что я оказалась в чужом теле?

На несколько минут я попыталась погрузиться в себя, чтобы понять хоть что-то, но воспоминания бывшей хозяйки были для меня закрыты. Единственное, что я знала: ее зовут Эдаллаида и у нее рыжие волосы.

Сколько я просидела на холодном полу, я не знала. И уже начала засыпать, проваливаясь в долгожданную дрему, когда железная дверь снова заскрипела.

Свет от свечи больно ударил по глазам. Я настолько привыкла к темноте, что даже ее тусклое сияние причиняло дискомфорт. Но, несмотря на свое плохое самочувствие и боль в висках, я подскочила на ноги и направилась к двери.

Скоро решится моя судьба.

— Леди Эдаллаида, — холодно произнес Глайт, — не двигайтесь.

Как оказалось, выпускать меня не планировали, а вот в подвале произошло пополнение. Глайт затолкнул в помещение щупленькую девочку, больше похожую на подростка, и снова закрыл дверь.

— Да вы издеваетесь! — взревела я и, подбежав к двери, со своей силы стукнула по ней кулаками. — Вы не имеете никакого права так со мной поступать! Я хочу пить! И в туалет!

В животе от упоминания воды неприятно заурчало, как бы намекая, что от еды организм тоже бы не отказался.

Шумно выдохнув, я вновь прикрыла глаза и постаралась успокоиться. По крайней мере, не сойду с ума, если рядом будет собеседница.

Она, кстати говоря, обладала меньшей выдержкой. Из того, что увидели мои глаза в темноте, я поняла, что незнакомка, вытянув перед собой руки, ходит по помещению и тихо плачет.

— Тише, тише, — я медленно к ней подошла и аккуратно приобняла за плечи, чтобы не спугнуть. — Все хорошо. Тебя-то за что наказали?

Девушка истерично закричала и, выкрутившись из моих объятий, упала на пол.

— Прошу вас, — взмолилась она тоненьким голоском. — Прошу, не нужно меня убивать.

— Я не причиню тебе вреда, — тихо произнесла я, стараясь тем самым ее успокоить. — Все хорошо, давай я тебе помогу подняться.

Я протянула руку и поинтересовалась: .

— Как тебя зовут?

— Вы не помните? — удивилась она.

— Я… кажется, у меня проблемы с памятью.

Незнакомка ненадолго замолчала, а затем призналась:

— Они сказали, что меня зовут Ваннэса. Я была вашей личной горничной, пока вы… пока вы меня не отравили.

Ваннэса всхлипнула и снова от меня шарахнулась, будто я держала в руке нож и могла в любой момент ее прирезать.

— Они, значит, так сказали, — хмыкнула я.

Очень просто в такой ситуации найти виноватого. Когда никто ничего не помнит.

— У меня от яда пропала память, — пояснила девушка и присела на пол. — Глайт требовал, чтобы я дала против вас показания, но я же ничего не помню. Как я могу кого-то обвинять, если не уверена в виновности человека? Разве это справедливо?

От этих слов мне стало легче. Хоть кто-то в этом доме мыслит рационально. Но то, с каким рвением меня хотели побыстрее во всем обвинить без суда и следствия, начинало уже настораживать, и шансы на счастливый исход таяли на глазах.

— Спасибо, — я поблагодарила девушку и присела с ней рядом.

— Вы же этого не делали? — всхлипнула она.

— Не помню, — покачала я головой. — Я, как и ты, ничего не помню. У меня складывается впечатление, будто я из другого мира.

Ваннэса подозрительно замолчала, а затем вздохнула.

— Мы здесь умрем. От холода или голода.

Да уж, соседка по камере у меня оптимистка, ничего не скажешь.

— Справимся, — пробормотала я, хотя сама с трудом в это верила.

Руки и ноги снова стали замерзать, поэтому я через силу поднялась и стала ходить, чтобы разогнать кровь. Образовавшееся молчание начинало угнетать, поэтому я решила разговорить Ваннэсу и поинтересовалась, что именно с ней происходило после того, как она очнулась.

— У меня очень болела голова, — ответила она, — а Глайт постоянно кричал. Обещал сделать меня соучастницей, если я не признаюсь…

Вот же подонок.

— Как я поняла, он хочет побыстрее разобраться в этом деле, чтобы не злить дракона.

После этих слов я замерла на месте, чувствуя, как сердце сделало кульбит.

— Стоп! Ты сказала дракона? — охрипшим голосом поинтересовалась я.

— Да. Насколько я поняла, хозяин этого дома, Рэтган Блайт, дракон.

— Дракон? — охнула я. — Ты что-то путаешь… Я видела перед собой человека.

— Ты что, книжек не читала? — хихикнула Ваннэса.

— Не было на это времени, — пробормотала я.

Когда ты всю жизнь только и делаешь, что учишься и работаешь, как-то не до книг. Но по фильмам, которые я видела, дракона было сложно представить в человеческом облике.

— Вообще-то драконы — высшая раса, — продолжила Ваннэса. — Они сильнее, чем люди, и всегда владеют магией. В человеческом обличии они очень красивые, а когда превращаются в зверя…

Я почувствовала, как мне становится плохо. Нет, милорд Блайт, безусловно, красив, я даже спорить не буду, но невозможно представить, как этот мужчина обращается в дракона.

— Даже не верится, что я увижу это собственными глазами, — мечтательно вздохнула Ваннэса.

— Подожди, — нахмурилась я. — Если ты ничего не помнишь, то откуда знаешь всю эту информацию про драконов?

Немного помолчав, она вздохнула..

— Не знаю. Просто… это было в моей голове. Как само собой разумеющееся.

Было в ее голове… Как красиво сказано. Я бы тоже не отказалась, чтобы в моей голове всплыло хоть что-то. Хоть какая-нибудь информация и подсказка. Я должна знать, с чем мне придется столкнуться, терпеть не могу быть в неведении.

Диалог с Ваннэсой дальше не заладился. Девушка окончательна ушла в себя, наверняка она тоже была испугана происходящим. Я вновь присела на корточки и прикрыла глаза.

Драконы,магия, кто бы мог подумать. Только как во все это вписываюсь я? Обычная девушка с Земли? Обнадеживало лишь то, что мои знания здесь могут пригодиться. Судя по тому, что мир застрял в Средневековье, медицина здесь, скорее всего, развита не на высшем уровне. Так, может быть…

Додумать эту мысль я не успела. Виски прострелило болью, я зажмурилась, и перед глазами вспыхнула картинка.

Я стояла на коленях, не смея поднять глаза. Из груди вырывались тонкие, беспомощные всхлипы. Вокруг творился хаос: крики, топот ног, беготня, суета. Над всем этим шумом гремел голос дворецкого Патрика, который ругался и угрожал:

— Вы понимаете, в чей дом попали?! Вы не имеете никакого права! Семья Кессел более тысячи лет славится своей чистой кровью! Когда милорд Кессел вернется домой и узнает…

— Это будет не скоро, — ответил ему насмешливый голос. — Милорда Кессела задержали в министерстве. Он, как и все остальные члены семьи, находится под подозрением.

— Что за бред вы несете?! Немедленно покиньте дом милорда, я не позволю вам тронуть детей!

Раздался треск, будто соприкоснулись два оголенных провода, а затем послышался глухой стук упавшего тела.

— Милорд Клей. — прозвучал еще один незнакомый голос. — Генерал Блайт просил никого не убивать, только задержать.

— Да брось, это всего лишь дворецкий. Он изрядно надоел своими воплями.

Что? Патрика убили?! Я зарыдала пуще прежнего и уже было собралась вскочить и броситься к своему любимому дворецкому — человеку, который за свою жизнь ни одной мухи не обидел. Он служил нашей семье верой и правдой, всегда был добр к нам. А со мной часто играл в прятки, когда был свободен от работы. Но в этот миг меня схватили за руку. Я обернулась и увидела Эманнаилу, старшую сестру, которая опустилась на колени рядом со мной.

В ее глазах был испуг и тревога, от этого стало очень страшно.

— Мне все это не нравится, — сказал тот мужчина, которого возмутило убийство дворецкого. — Девочки малы, старшей только пятнадцать исполнилось. Я знаю эту семью много лет, милорд Кессел никогда бы не позволил им в этом участвовать.

— Ты плохо разбираешься в людях, — хмыкнул убийца. — Тем более у девочек есть старший брат. Кстати, где он?

— Эван в Академии…

Слова становились все тише, и я стала медленно выплывать из воспоминаний. Сейчас я как никогда была уверена, что у меня получилось заглянуть в прошлое Эдаллаиды.

Испуг маленькой девочки до сих пор не мог покинуть мои воспоминания. Что это за изверг так поступил с детьми? На глазах выступили слезы — было так жалко и больно, что Эде пришлось все это пережить. Эмоции были такими яркими, что мне показалось: хозяйка тела усилила их. Эти воспоминания причиняли боль и ей.

И одно только радовало — я сдвинулась с мертвой точки. Если я начала что-то вспоминать, то ответы не за горами.

Глава 3

Несколько часов воспоминания Эдаллаиды меня не беспокоили. Какое-то время я пыталась достучаться до своей соседки по несчастью, но Ваннэса уснула. Я и сама была не прочь предаться сновидениям, но естественная нужда не давала мне покоя. Несмотря на то, что мой желудок вывернулся наизнанку, я до ужаса хотела в туалет. И уже собиралась наплевать на все приличия и стеснения и сходить в уголок, как дверь снова заскрипела.

До этого момента я несколько раз подходила к ней, чтобы разобраться с механизмом замка. Заперто было на совесть. Ваннэса, увидев мои попытки, пояснила, что Глайт открывал ее ключом.

По глазам снова неприятно резанул свет свечи, даря надежду на скорое окончание мучений. Я уже была готова к любому исходу, про себя решила — если мне приготовили наказание в виде лишения жизни, признаюсь, что никакая я не Эдаллаида.

Без понятия, как в этом мире относятся к попаданцам, это признание будет моим последним козырем.

В проеме двери стоял Глайт с двумя стражниками. Один из них разбудил Ваннэсу и вывел ее за руку. Девушка при этом шмыгала носом, а из ее груди вырывался хрип.

— Леди Эдаллаида… — Лицо Глайта по-прежнему не выражало ни единой эмоции. — Мне поручили сопроводить вас в зал судейского заседания.

— Зал судейского заседания?

— Верно, вам придется покинуть дом милорда Блайта. Скорее всего, в него вы уже не вернетесь.

Не очень-то и хотелось, если честно.

— Хорошо, — спокойно кивнула я. — Только прошу сперва отвести меня в дамскую комнату, если не хотите, чтобы я исправила нужду по дороге.

— Вы думаете, меня это волнует? — Губы Глайта искривила издевательская улыбка.

— Тогда буду держаться к вам как можно ближе, — съязвила я. — Чтобы точно волновало.

Глайт недовольно фыркнул.

— Дамская комната? Как пожелаете. Но имейте в виду, одну я вас не оставлю, будете справлять нужду при мне.

Кровь прилила к моему лицу, а Глайт получил от такой реакции удовольствие.

Если он думал, что я от стыда упаду в обморок, то не на ту напал.

— Как вам будет угодно, — я выдавила из себя улыбку. — Если вы любите подглядывать за этим процессом, то кто я такая, чтобы мешать?

Глайт зло сверкнул глазами, а затем схватил меня за руку еще сильнее, чем в прошлый раз, и повел меня по ступенькам наверх.

Дамскую комнату мне предоставили ту, что находилась на кухне. В отхожем месте для прислуги не было даже элементарного зеркала, только раковина, чтобы помыть руки, а в полу зияла дырка, заляпанная не пойми чем. Про запах я умолчу.

Мои комнатные туфельки рядом с этим отверстием смотрелись убого, но я переборола в себе отвращение.

Глайт все это время внимательно за мной наблюдал. Мне даже показалось, что он испытывает некое удовольствие. Ну точно — извращенец.

После минуты позора я тщательно вымыла руки и умылась. Мне пришло в голову, что я до сих пор не знаю, как выгляжу.

После меня в дамскую комнату направилась Ваннэса. Ее, кстати, Глайт не сопровождал. Этой чести удостоилась только я. А затем мы поднялись наверх и вышли в просторную прихожую.

— Подскажите, — прохрипела Ваннэса, — а меня тоже будут судить?

— Все зависит от того, какие показания вы дадите, — ответил Глайт. — Надеюсь, у вас хватит ума сказать то… что нужно.

Ваннэса бросила на меня затравленный взгляд, и мне показалось, что в ее глазах промелькнуло сожаление.

Что ж, винить ее я ни в чем не могла. Девушка ничего не помнит, так что есть вероятность, что Эдаллаида ее действительно отравила.

— Следите за ними, я скоро, — приказал Глайт стражникам и удалился.

Стражники, кстати, держались отстраненно. Будто были уверены, что мы с Ваннэсой ничего не учудим. Поэтому я подошла к девушке и тихо поинтересовалась:

— У тебя болит горло?

Удивившись, Ваннэса кивнула.

— Попробуй сделать это упражнение, станет легче.

Я показала Ваннэсе, как делать массаж горла. Он идеально помогает на начальном этапе ангины.

Ваннэса послушно за мной повторила.

— Спасибо, — Ее голос стал чище, без хрипотцы.

И в этот момент в прихожую вернулся Глайт.

В руках он держал теплые накидки. Одну отдал мне, а вторую накинул на плечи Ваннэсы, всем своим видом демонстрируя, что к служанке испытывает больше уважения, чем ко мне. Или же он просто хотел таким образом подлизаться к девушке и переманить на свою сторону.

В зал судейского заседания мы отправились в экипаже. Я была настолько погружена в свои мысли, что даже не обратила внимания на непривычные ощущения: укачивание и подпрыгивание на кочках. Будто я и не знала другого транспорта и пользовалась им всю жизнь.

И все-таки я нашла в себе силы абстрагироваться от тревожных мыслей и выглянула в окно. В целом, мои первые впечатления оказались верными. Мы ехали по мощеным улицам мимо обычных одноэтажных домов, каждый с небольшим двориком впереди. Иногда по пути встречались целые особняки — шикарные, не хуже, чем у милорда Блайта.

Внутри дворов копошилась прислуга: убирали снег, таскали ведра с песком и глиной, а дети лепили снеговиков.

Я стала свидетелем обычной размеренной жизни. Люди работали, смеялись, веселились и вряд ли переживали о том, что в ближайшее время решится их судьба.

С тяжелым вздохом я задернула шторку на окне, прикрыла глаза и облокотилась на сиденье. С каждой минутой мандраж пробивал сильнее. Умирать во второй раз не хотелось.

— Куда же пропал весь ваш запал, леди Эдаллаида? — усмехнулся Глайт. — Несколько минут назад вы показывали превосходное чувство юмора.

— Берегу его для членов судейского заседания, — буркнула я, а затем все же решилась задать Глайту волнующий меня вопрос. — Может быть, поделитесь, к чему мне готовиться? Как вообще проходит судебное заседание?

— Вы же уже участвовали в подобном, — продолжал ерничать Глайт. — Неужели не помните?

Я отрицательно качнула головой.

— Сперва послушают свидетелей, затем предоставят слово вам, а после выступит ваш муж с предложением определенного наказания. Судьи будут сами принимать решение, но его мнение будут учтено. Как и мнение…свидетелей.

Судя по всему, свидетелями выступят Глайт, Габри и моя притихшая горничная. Кстати, последней не помешало бы отдохнуть в тепле и уюте, иначе она окончательно сляжет. Хотя если меня действительно подставили, то злоумышленникам это будет лишь на руку.

Весь оставшийся путь мы провели в молчании, а где-то через полчаса экипаж подъехал к белому двухэтажному зданию, на фронтоне которого горели слова «*Министерство судебных дел*». И я сделала вывод, что понимаю не только устную речь, но и письменную.

Под стражей меня сопроводили в небольшую комнату и приказали ждать, оставив со мной наедине одного стражника с непроницаемым лицом.

Ожидание нервировало. Зато в комнате оказалось зеркало в полный рост, к нему я сразу и подбежала. В отражении на меня смотрела невысокая, очень худенькая девушка лет двадцати пяти, с впалыми щеками и грустными серыми глазами.

Мой вид был таким жалким, что я чуть не заплакала. Явно же худоба появилась не за один день. Интересно, куда смотрел муженек Эдаллаиды, когда его супруга морила себя голодом? К тому же ей явно не хватало витаминов.

— Кошмар, — пробормотала я и собралась было пощипать себя за щеки, дабы придать им румянца, но тут же отогнала эту мысль.

Пусть все видят и знают, как брак сгубил это милое создание.

Не успела я как следует запомнить все детали своей внешности, как в комнату вернулся Глайт.

— Леди Эдаллаида, — строго произнес он, будто люди в зале заседания в данный момент нас слышали, — прошу следовать за мной. И без шуточек. Иначе мне придется применить магию.

Похоже, Глайт был бы счастлив, если против меня применили магию. Один удар — и нет больше подозреваемой, дело закрыто.

Однако такого удовольствия я ему не доставлю, буду бороться до конца.

Пока меня мариновали в подземелье, я успела все обдумать. Первую ошибку, которую я совершила, — начала кричать о том, что я не Эдаллаида, даже не разобравшись в том, как в этом мире относятся к попаданкам. Так что это признание остается только на крайний случай. Вторая — не попросила своего муженька поговорить со мной наедине. Весь этот цирк, который устроили, предназначался исключительно для милорда. Вот если бы рядом не было охающей Габри и противного Глайта, возможно, я могла бы на него повлиять. Брак с незнакомцем мне сохранять незачем, но, может быть, получилось выторговать себе жизнь?

И вот время ожидания вышло, и настал решающий час. Глайт привел меня в просторный, с куполообразным потолком зал судебного заседания. На полу мерцали какие-то символы, очень похожие на руны, и при каждом моем шаге их свечение усиливалось.

На возвышении, расположенном полукругом, стояли три трона. На них восседала одна женщина и двое мужчин в длинных серебристых мантиях, на вид им было не больше пятидесяти. Я поняла, что это и есть те люди, которые будут решать, жить мне или нет.

Перед этой конструкцией с тронами находилась круглая площадка с двумя стульями. Глайт подвел меня к одному из них, и я присела. Все внимание теперь было приковано ко мне.

— Доброго дня, — сухо произнесла женщина. — Сегодня мы слушаем дело леди Эдаллаиды Блайт, которая обвиняется в попытке убийства горничной и собственного мужа, а также в подделке метки истинности. Леди Эдаллаида, вам все понятно?

— Да, — я согласно кивнула, и напольная руна, на которой стоял мой стул, вспыхнула голубоватым светом.

— Отлично, — продолжила судья. — Для начала мы проверим работу *Кристалла Честности.* Леди Эдаллаида, ваше полное имя — леди Эдаллаида Блайт?

— Д-да, — неуверенно ответила я, и руна подо мной вспыхнула красным.

Судьи нахмурились.

— Попробуем еще раз, — недоуменно произнесла судья. — Леди Эдаллаида, ваше полное имя — леди Эдаллаида Кессел?

Основываясь на моих воспоминаниях, произнесли девичью фамилии Эды.

— Д-да… — еще неуверенней произнесла я.

— Просто замечательно, — фыркнул рядом стоящий Глайт. — Кристалл Честности сломался именно тогда, когда мы решили допросить леди Эдаллаиду. Совпадение?

— Мы можем перенести заседание на другую дату, — устало произнес судья с седыми волосами. — А подозреваемая пока пусть находится под стражей.

— Нет, — холодно ответил Глайт. — Этот вариант нам не подходит.

— Тогда мы вынуждены продолжить, но решение будет принято, исходя из показаний свидетелей и учитывая решение супруга.

— Нас это полностью устраивает, — улыбнулся Глайт. — Продолжайте.

А у меня сердце сделало кульбит. Я собиралась говорить правду, так как никого не убивала и никакую метку не подделывала. Эх, если бы эта судья не задала такой элементарный вопрос… Ведь хоть я и была в теле Эдаллаиды, но так и не смирилась с мыслью, что я — это она.

Судьи продолжили заседание. Мне зачитали мои права, в которых ничего не было про адвоката, а затем задали самые главные вопросы: согласна ли я с обвинениями и готова ли совершить чистосердечное признание. Последнее, кстати говоря, ничуть не смягчило бы наказание, просто работы у судьи стало бы меньше.

— Нет, не согласна, — четко ответила я.

— Как скажете, — безразлично произнесла женщина. — Милорд Старрэл, пригласите в зал первого свидетеля, леди Габриэллу Старрэл.

Еще одна Старрэл? Я удивленно посмотрела на Глайта. Судя по всему, они родственники.

Глава 4

Расположившись на соседнем стуле, Габриэлла, опасливо озиралась по сторонам, бросала взгляды на руны и нервно кусала губы. Иногда ее взгляд останавливался на Глайте, будто он мог ей помочь, но затем, опомнившись, она снова смотрела на судей.

— Леди Габриэлла Старрэл, клянетесь ли вы говорить правду во имя Богов Аэрогона?

Габри взяла себя в руки, резко выдохнула и твердо произнесла:

— Клянусь, — не забыв при этом с презрением на меня посмотреть.

— Отлично, — кивнула женщина в мантии и зашелестела бумагами, вчитываясь в содержимое. — Вы уже давали показания милорду Старрэлу, он ваш брат, верно?

И снова взгляд Габриэллы стал затравленным.

— Это не имеет никакого отношения к делу, — возмутился Глайт.

— Здесь мы решаем, что имеет отношение к делу, а что нет, — поджала губы женщина.

— Саманта, полно вам, — осадил ее седовласый мужчина.

Саманта поморщилась.

— Итак, леди Габриэлла, ответьте на вопрос.

— Да, — тихо произнесла Габри и посмотрела себе под ноги.

— Артефакт сегодня не работает, — с улыбкой произнесла Саманта. — Продолжим. В своих показаниях вы сообщили, что давно подозревали леди Эдаллаиду в том, что она представляет опасность для милорда Блайта. Подскажите, в чем это выражалось?

— Я видела, как она на него смотрела, — вздернула носик Габри. — Этого достаточно.

— Недостаточно, — возразила Саманта. — Пожалуйста, поподробнее.

И тут Габриэлла распелась так, что я сама ей поверила. Она рассказала судьям, что давно работает у милорда Блайта, с тех самых пор, как ее родителей убила нечисть, прорвавшаяся из бездны. Об этой нечисти я решила подумать чуть позже, а пока пыталась вникнуть в показания Габри, чтобы найти там хоть какую-то лазейку.

По ее рассказу выходило, что Габриэлла была предана Рэтгану. Она с таким восхищением о нем говорила, что у меня не осталось сомнений — девушка в него безоговорочно влюбилась. Это отметила и нахмурившаяся Саманта, а вот мужчины самодовольно переглянулись между собой.

— Эдаллаида ревновала меня к своему супругу, — наконец-то Габриэлла перешла к главному. — Она видела, что милорд Блайт добр ко мне, всегда поддержит и придет на помощь. Однажды она мне высказала это в лицо, попросила не тревожить ее супруга хотя бы ночью, но это же его работа. И когда в гарнизоне происходят прорывы, он обязан об этом знать, вне зависимости от времени суток. После женитьбы милорд Блайт вернулся в свое имение и уже не мог проводить в гарнизоне достаточно времени. Он ради нее на все был готов, а она… она…

— Я вас услышала, — перебила ее Саманта. — А что вы расскажете про яд? Это же вы увидели, что леди Эдаллаида добавляла яд в напиток супруга?

— Все верно, — Габриэлла демонстративно всхлипнула. — Это произошло вечером, после того как милорд Блайт вернулся с работы. Леди Эдаллаида попросила свою горничную приготовить им чай, но мне пришло извещение, что в гарнизон приехали адепты из Академии, чтобы пройти практику, и генерал Блайт должен был их принять. Я прервала чаепитие, сообщила новость милорду, и он попросил меня передать Эдаллаиде, что ему необходимо срочно улететь. Я вошла в гостиную и увидела, что она что-то подмешивала в его чашку.

— И вы сразу же поняли, что это яд? — удивилась Саманта.

Мне вот тоже показалось это подозрительным, но и здесь Габриэлла нашлась с ответом.

— А что еще можно ждать от дочери предателей? — прошипела она, и я почувствовала, как кровь прилила к моему лицу.

Из воспоминаний Эды я сделала такие же выводы, хотя и не была уверена, что родителей девочки в итоге в чем-то обвинили.

— И что вы сделали дальше? — продолжила опрос Саманта.

— Я убедилась, что леди Эдаллаида меня не заметила, прикрыла в гостиную дверь и побежала докладывать обо всем милорду Блайту. Он мне не поверил, тогда я и предложила это: поменять чашки, чтобы он самостоятельно во всем убедился. И хотя милорд был уверен, что мне что-то почудилось, он все же взял с собой универсальное противоядие. Затем мы вернулись в гостиную. Я отвлекла леди Эдаллаиду и поменяла чашки местами, а после… леди Эдаллаида отравилась. И если бы не доброе сердце милорда, она бы… она была бы мертва.

После этой пламенной речи Габриэлла перевела на меня взгляд, полный торжества и отвращения. Все это время руны под стулом девушки никак себя не проявляли, видимо, судьи полностью отключили артефакт, чтобы он не мигал после каждого слова, хотя я бы с удовольствием посмотрела, как он реагирует на слова Габриэллы.

— Я хотел бы кое-что добавить, — вмешался в допрос Глайт и продолжил, как только Саманта неопределенно махнула рукой. — Я с самого начала предупреждал милорда Блайта, что с этой истинностью что-то не то. Леди Эдаллаида дочь… предателей. Она никак не могла быть истинной, Боги бы не позволили.

— Не нам судить выбор Богов, — сухо перебила его Саманта.

— Согласен, и тем не менее, — продолжил Глайт. — Она беспричинно взъелась на мою сестру. Постоянно унижала ее и всячески препятствовала работе своего супруга. Да, после свадьбы они поселились в имении Блайта, но только потому, что леди Эдаллаида была категорически против проживания в гарнизоне. А ведь для Рэтгана важно находиться со своими подчиненными, тем более прорывы могут произойти в любую минуту.

Я перевела взгляд на притихшую Габриэллу, которая кивала буквально на каждое слово брата, и с трудом могла себе представить, что я хоть как-то над ней издевалась. Этой палец в рот не клади, несмотря на то, что девушка очень часто хлопает ресницами, по ней заметно, что руку она может откусить по самый локоть.

— Тем более я самолично нашел яд в покоях леди Эдаллаиды, видимо, она не успела от него избавиться.

— К вашим показаниям мы еще вернемся, — ответила Саманта. — А пока пригласите следующего свидетеля, леди Ланг, личную горничную нашей подсудимой.

Глайт проводил свою сестру из зала, а затем привел Ваннэсу и посадил сконфуженную девушку недалеко от меня.

— Помни, все будет зависеть только от твоих показаний, — сказал он ей тихо, но я услышала.

Ваннэса перевела на меня испуганный взгляд и тяжело вздохнула, а я от усталости прикрыла глаза. Ну, не могу я на нее обижаться, что бы она ни сказала.

Тем временем судья приступила к ее допросу, и я уже приготовилась услышать в подробностях, как травила бедную девушку, но Ваннэса меня удивила.

— Приношу свои извинения, — твердым голосом произнесла она. — Но боюсь, от моих показаний мало толка. Я ничего не помню, лекарь сказал, что это последствия от принятого яда, но… я не уверена, что меня отравила именно леди Эдаллаида.

Судьи зашумели, стали активно между собой переговариваться, а Глайт заскрипел зубами. Он прожигал Ваннэсу таким взглядом, что стало понятно: ей несдобровать. Поплатится девушка за свою честность и чистую совесть.

В итоге судьи решили, что смысла в показаниях Ваннэсы нет, и ее отпустили. Глайт схватил Ваннэсу за руку так, как хватал в свое время меня, наверняка у бедняжки и синяки останутся. А после пришла и его очередь садиться на соседний стул. Следующие показания — его, и здесь я на чудо не надеялась.

И оказалась права. Глайт рассказал, как к нему обратилась сестра и рассказала о своих подозрениях. И пока Габриэлла и мой супруг проводили «эксперимент», Глайт с личной стражей милорда Блайта отправился в мои покои и тщательно их обыскал. Именно так нашелся и флакон с остатками яда, а после и дневник с расчетами. Этот дневник Глайт передал судьям, и те его внимательно изучили.

— Леди Эдаллаида, — обратилась ко мне Саманта, — откуда у вас столько познаний в медицине и алхимии? Вы все идеально рассчитали.

Если это я…

— Я не могу ответить на этот вопрос, — с надрывом произнесла я. — Как и леди Ланг, к сожалению, я ничего не помню.

— Зато я помню, — вмешался в разговор Глайт. — Леди Эдаллаида в свое время закончила Эллирановскую Академии Магии, факультет зелий и исцеления. С отличием. Так что знаний у нее предостаточно.

Судьи снова зашептались, а Глайт недовольно поджал губы.

— Хороша позиция, — процедил он сквозь зубы, чтобы слышала только я. — Вы обе ничего не помните. И так вовремя.

— Можете поэкспериментировать и самостоятельно принять яд, — невинно произнесла я. — Вот и проверим, сможете ли вы сохранить память.

Глайт фыркнул и отвернулся, а судьи тем временем посовещались.

— Мы пришли к выводу, что *Кристалл честности*потому и не работает, что вы потеряли память, леди Эдаллаида, — тихо сказала Саманта, и в ее голосе я уловила искреннее сожаление. — Тем не менее мы должны учитывать все обстоятельства и все улики. Милорд Старрэл, супруг леди Эдаллаиды может присоединиться к судебному процессу.

Милорда Блайта мы ждали дольше, чем остальных.Похоже, он решил, что не по статусу находиться в зале ожиданий, и предпочел подъехать позднее. Я даже понадеялась, что мой супруг не придет на судебный процесс, но нет. Дверь отворилась, и вошел Рэтган. Лицо его было беспристрастным, губы сжаты в тонкую линию, он не бросил в мою сторону ни единого взгляда, а на стул даже не присел. Так и продолжил стоять, демонстрируя всем военную выправку. Он даже не переодел свой костюм, судя по всему, военный, так как на его плечах красовались эполеты.

— Милорд Блайт… — На лице Саманты появилась улыбка. — Рада снова вас видеть.

Рэтган кивнул, а вот остальные судьи моментально оживились. Мужчины выпрямились, нахмурились, будто главными здесь были не они, а милорд Блайт.

— В оправдание супруги сказать мне нечего, — громко и четко произнес Рэтган, и я почувствовала, как мое сердце забилось чаще. — Доказательства неоспоримые, я проверил — записи ее.

С этими словами супруг вынул из внутреннего кармана пиджака какие-то документы и передал их седовласому судье.

— Здесь результаты независимой экспертизы, — сообщил Рэтган. — На флаконе были обнаружены отпечатки пальцев леди Эдаллаиды, а после того, как ее организм получил антидот и очистился от яда, метка истинности исчезла. — Его голос стал хриплым, он откашлялся, прежде чем продолжить: — Тем не менее я против казни.

— И что же вы предлагаете? — удивилась Саманта.

— Для начала я требую развод, — спокойно произнес Рэтган, — а после леди Эдаллаида может отправиться на рудники в Эртхон. Там она и понесет свое наказание. Пожизненное заключение. Вот что мне необходимо.

— Рудники Эртхон? — охнул седовласый мужчина. — Погодные условия на Севере не совсем подходят леди благородного происхождения…

— Благородного? — впервые Рэтган показал эмоции. Сейчас его лицо скривилось от злобы. — Смею напомнить, что ее родители были предателями. Я до последнего надеялся, что Эда не последует их примеру, но яблочко от яблони недалеко падает. Дальнейшая судьба леди Кессел меня более не касается. Если вы не возражаете, я не буду дожидаться решения суда. В гарнизоне слишком много дел.

Рэтган откланялся и покинул зал заседания, так и не посмотрев на меня. И пусть мы были чужими друг другу людьми, такая реакция больно резанула по сердцу.

— Нам необходимо удалиться, чтобы принять решение, — сказала Саманта и вместе с остальными судьями поднялась с кресла и покинула зал, оставив меня наедине с Глайтом.

Глава 5

Глайт взирал с превосходством победителя. Он был уверен, что судьи меня не оправдают, а вся моя надежда была только на Саманту. По сравнению с остальными она выглядела здравомыслящим человеком и задавала логичные вопросы. Может быть, не все потеряно?

— Знаешь, о чем я мечтаю? — Тишину в зале прервал язвительный голос моего надзирателя.

— Боюсь представить, — буркнула я себе под нос.

— Погулять на свадьбе сестры и Рэтгана, — продолжил он. — Они великолепная пара. Габри послушная, кроткая, смиренная. Именно такой должна быть женщина сильного мужчины.

— Так вот для чего вы все это организовали, — хмыкнула я. — Вы так сильно захотели породниться с милордом Блайтом, что решили избавиться от соперницы в виде жены?

— Вот только дуру включать не нужно, — зашипел Глайт, сверля меня гневным взглядом. — Ты можешь обманывать Рэтгана, свою гувернантку или судей, но не меня. Я таких тварей, сосущих кровь, вижу насквозь. Нам даже придумывать ничего не пришлось. Ты все сделала сама.

От этих слов мне стало плохо, а к горлу подкатил противный ком. И хоть я ничего не ела, но чувствовала, что мой желудок готов вывернуться наизнанку.

— А второе мое желание, — сухо произнес Глайт, — это увидеть твою голову на виселице. Наверное, ты не в курсе, но я присутствовал на казни твоего отца.

— Замолчи, — прохрипела я. От каждого произнесенного слова мне становилось хуже.

— То еще зрелище, — усмехнулся Глайт. — Я получил истинное удовольствие.

— Ты ненормальный, — подтвердила я свою догадку. — Сочувствую своему супругу, если он породнится с таким чудовищем, как ты.

Глайту мои слова не понравились, он издал приглушенный рык и сделал ко мне шаг, но тут дверь открылась и вернулись судьи. Милорду Старрэлу пришлось резко отстраниться и придать своему лицу невозмутимое выражение, будто и не было сейчас между нами словесной перепалки.

Судьи меж тем заняли свои места, и слово снова взяла Саманта.

— Леди Эдаллаида, мы посовещались и вынесли решение. Учитывая все доказательства и показания свидетелей, судом Аэрогана вы признаны… виновной.

За ту небольшую паузу между словами мое сердце пустилось вскачь. Но стоило Саманте произнести последнее слово, как перед глазами потемнело.

— Однако мы не можем игнорировать желание вашего супруга сохранить вам жизнь, поэтому судом решено отправить вас в ссылку на земли Эртхон на пожизненное заключение. А учитывая ваше образование и высокое положение в обществе, по приезде вас будет ждать должность санитарки в «*Магикум Вита*».

— Что все это значит? — возмутился Глайт.

— Прошу сбавить тон, иначе вам будет назначен штраф, — лениво произнес седовласый судья.

— Это значит, — пояснила Саманта, — Что леди Эдаллаида не будет работать на рудниках. Женщинам там не место. На этом наше заседание закончено. Леди Эдаллаида, у вас есть вопросы?

— Н-нет, — произнесла я дрогнувшим голосом.

Судя по недовольству Глайта, я поняла, что мне назначили одно из самых мягких наказаний.

— Отправляйтесь в Эртхон сразу же, как только разведетесь с милордом Блайтом, — спокойно продолжила Саманта, даже не обратив внимание на то, как покраснел от злости мой надзиратель.

На этом судебное заседание было закончено. Глайт снова схватил меня за руку и поволок из зала, а за дверями нас дожидались Габриэлла и Ваннэса. Рэтгана в суде уже не было.

— Ну что? — взволнованно спросила Габри у брата, будто мое присутствие ее совсем не волновало.

— Ссылка в Эртхон, — недовольно ответил он, а затем обратился к Ваннэсе: — А ты… ты поедешь с ней. Не пристало *благородной* даме путешествовать в одиночестве.

Глайт подошел к стражникам, что-то им сообщил, быстро вернулся и, снова схватив меня за рук, повел на улицу.

— Моя теплая накидка… — возмутилась я.

— Не переживайте, — оскалился Глайт, — в экипаже тепло.

Все происходило так быстро, что я даже не успела среагировать. За несколько секунд Глайт усадил меня в экипаж, задвинул на окнах шторки, и мы куда-то поехали.

— А как же Ваннэса? — хрипло поинтересовалась я.

— Она поедет с моей сестрой, — Глайт зло сверкнул глазами.

А потом случилось то, чего я никак не ожидала. Его взгляд задержался на моих губах, после медленно сполз к декольте, и я инстинктивно прикрыла его руками.

— Неужели вы думаете, — язвительно произнес Глайт, — что меня может возбудить женщина с черной кровью?

— Моя кровь такая же, как и у остальных людей, — неуверенно произнесла я. — И что самое главное, я еще замужем за вашим начальником. Ваши намеки неуместны.

— Намеки?

Глайт выгнул в удивлении бровь, а затем резко ко мне приблизился и провел ладонью по моей щеке. В этом жесте не было ласки или интимности. Только холодная ненависть и раздражение. Эти эмоции я ощущала каждой клеточкой своего тела.

— Я не тот мужчина, который будет намекать. Если мне кто-то нужен, то я буду действовать открыто, никого не боясь. Но вы мне не нужны, леди Эдаллаида… Хотя, если рассмотреть вариант на одну ночь…

— Отстранитесь. — Меня передернуло от отвращения, и я оттолкнула от себя Глайта. — Вы мне противны.

Его ноздри раздулись от гнева, мой отказ совершенно не понравился. Он схватил меня за руку и с силой потянул на себя, вжимая в свое тело.

— О, Эда, берегитесь своих слов, — шепотом произнес Глайт мне на ухо и, кажется, прикоснулся к моей коже языком. — Не стоит меня дразнить, иначе я могу ответить.

Я задергалась в его руках пойманной птицей, но моих сил было недостаточно против высокого, сильного мужика. Глайт хрипло рассмеялся, а я почувствовала, как он приподнимает юбку моего платья и начинает скользить рукой по бедру.

Холодные и липкие от пота пальцы Глайта поднимались все выше, бесцеремонно сминая тонкую ткань белья. Я почувствовала, как внутри все заледенело от ужаса и закипающей ярости. От отвращения ком в горле готов был выплеснуться наружу, еще чуть-чуть, и Глайту действительно не повезет. Но желудок мой был пустым, о чем я очень сильно жалела.

Головой понимала, что Глайту я не нужна, его поползновения — это попытка сломать, унизить, показать мое новое место, которое ждет меня после развода с милордом Блайтом.

— Пусти! — выдохнула я, пытаясь оттолкнуть этого извращенца локтем, но Старрэл лишь плотнее прижал меня к сиденью экипажа.

Я почувствовала на шее его дыхание, обжигающее, пахнущее чем-то металлическим… и от собственной беспомощности по телу пошла дрожь. Глайт явно наслаждался моим состоя-

нием. Для него я была лишь дочерью предателей, досадным недоразумением на пути к родству с милордом Блайтом.

— Вы все одинаковые, — вдруг прошипел он, а его рука сильнее сжала мое бедро. — Прикрываетесь невинностью, а сами только и ждете, когда кто-то сильный возьмет то, что хочет. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты вышла замуж за Рэтгана? Власть и деньги — вот что тебя прельщало, Эдаллаида. А месть — просто приятный бонус…

Это стало последней каплей. Мерзкий Глайт меня совсем не знает, а говорит такие вещи, от которых буквально тошнит. Я резко подалась вперед, и мои зубы сомкнулись на его плече, прямо на ткани сюртука. Я вложила в этот укус всю свою панику и отвращение, чувствуя на языке солоноватый привкус, лишь бы причинить боль этому напыщенному индюку.

Глайт взревел скорее от неожиданности и наглости, чем от раны. Его рука на мгновение ослабила хватку, и в этот же миг карета резко остановилась. Рывок был такой силы, что Старрэл не удержался и отлетел в противоположную сторону, к окну, выпуская меня из захвата.

Мир вокруг замер на секунду, а затем дверца экипажа распахнулась.

На фоне пасмурного неба и серых стен своего дома стоял Рэтган Блайт. Его фигура, затянутая в мундир, казалась высеченной из камня. Глаза дракона вытянулись в вертикальный зрачок, когда он оценил представшую перед ним картину: мои растрепанные волосы, порванное на рукаве платье, и Глайт, потирающий плечо с выражением крайнего бешенства.

— Что здесь происходит? — Голос Рэтгана был тихим, но от него по моей спине пробежали мурашки.

— Рэтган! — я бросилась к выходу, едва не споткнувшись о подол платья, и схватилась за руку мужа, ища защиты. Он же не совсем идиот? Он должен все понять! — Помоги мне… Он… Глайт, он приставал ко мне! Он распускал руки, он пытался…

Я замолчала, ожидая увидеть в глазах мужа вспышку гнева, которая должна была появиться у каждого собственника, а такие мужчины, как Рэтган, все до одного относились к такой категории. Властные, сильные собственники, однако Рэтган оставался пугающе спокойным. Он медленно перевел взгляд с дрожащей меня на своего помощника. Глайт, уже успевший привести себя в порядок, лишь усмехнулся, поправляя воротник.

— Милорд, — спокойно произнес он, — леди Эдаллаида, кажется, переутомилась после суда. У нее начались галлюцинации на почве страха. Она на меня напала, скорее всего, притворяется и просто хотела сбежать.

— Он лжет! — вскрикнула я. — Он лез мне под юбку!

Рэтган медленно убрал мои руки со своего локтя. И в его взгляде я не увидела ни капли сочувствия, только брезгливое равнодушие.

— Успокойся, Эдаллаида, — холодно произнес супруг. — Глайт мой товарищ. И, что более важно, у него безупречный вкус. Ты всерьез полагаешь, что мужчина его положения станет посягать на женщину с «черной кровью»? Это физиологически невозможно. Ему было бы проще прикоснуться к сточной канаве, чем к тебе.

Слова мужа ударили больнее, чем грубость Глайта. «Черная кровь»? О чем они все говорят?

Я открыла рот, чтобы возразить, сказать, что я человек, что моя кровь красная, как у любого из них, но слова застряли в горле. Я была здесь чужой, попаданкой в теле женщины, которую все презирали за то, чего я сама даже не понимала.

— Пойдем, — скомандовал Рэтган, не глядя на меня, — у нас мало времени. Храмовник уже ждет.

Блайт завел меня в дом и проводил в большой зал, высокие своды которого скрывались в тени. В центре зала стоял человек в тяжелой серой робе, скорее всего, это и был тот самый храмовник, о котором говорил Рэтган.

Супруг вел меня за руку, держа так крепко, будто я в любой момент могла сбежать. Глайт шел следом, и, даже не оборачиваясь, я чувствовала, как он бросает мне в спину торжествующие взгляды.

— Мы готовы, — сообщил Рэтган храмовнику.

— Леди Эдаллаида Блайт, милорд Рэтган Блайт. — Голос мужчины звучал холодно и монотонно. — Расторжение союза, скрепленного перед лицами Богов, — процесс суровый. Вы подтверждаете свое желание?

— Да, — отрезал Рэтган.

Я уже хотела возмутиться, что меня никто не спрашивает, но храмовнику это было и не нужно. Он начал нараспев произносить слова на незнакомом, вибрирующем языке. Воздух в зале сгустился. Я вдруг почувствовала, как на запястье, где-то глубоко под кожей, начало жечь.

Боль нарастала. Казалось, кто-то запустил внутрь раскаленные щипцы и медленно вырывает из меня жилы. Я вскрикнула, схватилась за запястье, оседая на колени, но Рэтган не позволил мне упасть, удерживая за предплечье.

— Почему так больно?.. — сквозь слезы прохрипела я, чувствуя, как по лицу катится холодный пот.

— Брачная метка не убирается без крови, — безучастно ответил храмовник. — Но лорд Блайт утверждает, что истинной связи между вами не было. Что была лишь ложь, — священник замолчал и посмотрел на Рэтгана. — Причина расторжения должна быть озвучена и подтверждена.

— Причина проста, — Рэтган рывком задрал рукав моего платья. Его пальцы надавили на внутреннюю сторону моего предплечья, на чистую кожу.

— Она подделала метку истинности, чтобы войти в мой дом и осквернить мой род! — Голос Рэтгана гремел под сводами зала. — Она использовала иллюзорные чары «чернокровок» либо любую другую магию, которая развеялись, стоило мне использовать противоядие и почистить ее организм. Она самозванка.

Я смотрела на свою руку и не понимала, чего от меня хотели. Что храмовник должен был увидеть на моем плече?

— Брак расторгнут, — объявил храмовник, и в этот момент жжение в запястье прекратилось, сменившись звенящей пустотой.

Я почувствовала себя опустошенной, лишенной чего-то важного, даже если это «важное» было навязано мне силой в этом мире. В голове билась мысль, что мы не должны были разрывать этот брак. Или же это были мысли погибшей Эдаллаиды?

Рэтган же оттолкнул мою руку, словно та была испачкана в саже.

— Ты больше не Блайт, — с отвращением произнес он. — Можешь быть свободна.

— И что теперь? Выбросишь меня на улицу? — холодно поинтересовалась я.

Рэтган усмехнулся, и в этой усмешке было больше жестокости, чем в словах Глайта.

— Улица — это слишком просто для такой, как ты. Ты отправишься в северные земли. Там, на границе с пустошью, твоя «черная кровь» найдет достойное применение в рудниках. Или куда там тебя определили.

Он обернулся к дверям, где в тени колонн стояла высокая, массивная фигура. В зале появился новый зритель, а я его даже не заметила. Мужчина, удивительно похожий на Рэтгана, но с более резкими, хищными чертами лица и шрамом, пересекающим бровь.

— Мой брат Калеб отправится завтра на Север по делам гарнизона. Он согласился взять на себя роль твоего сопровождающего. Поверь, Эдаллаида, после путешествия с ним ты будешь вспоминать манеры Глайта как высшее проявление благородства.

Я посмотрела на своего будущего конвоира. Калеб Блайт не улыбался. Он смотрел на меня так, словно изучал добычу, которую ему поручили доставить к месту казни.

— Подготовь ее, — бросил Рэтган брату и, не оборачиваясь, вышел из зала.

Глава 6

Тяжелые двери за спиной Рэтгана захлопнулись с гулким эхом, и от этого неожиданного звука я вздрогнула. Или же я вздрогнула от того, что осталась наедине с братом бывшего мужа, внешний вид которого не предвещал ничего хорошего.

Калеб Блайт не шевелился. Его взгляд, тяжелый и холодный, буквально препарировал меня, словно он догадывался, что я что-то скрываю. В отличие от Рэтгана, которым сейчас руководили одни эмоции, Калеб, кажется, подмечал детали. И от этого у меня озноб пошел по коже, я крепко сжала кулаки и приготовилась к любому раскладу, даже если меня снова поведут на допрос. Однако брат Рэтгана удивил. Он лишь коротко кивнул в сторону лестницы.

— Идем. — Его голос оказался неожиданно низким, даже ниже, чем у Рэтгана. Интересно, какая у них разница в возрасте? — У тебя мало времени на сборы.

Я послушно отправилась за Калебом, разумно решив, что после расторжения брака дракону я больше неинтересна и вряд ли мне поставили надзирателя лишь для того, чтобы убрать меня до отправки на северные земли.

Всю дорогу Калеб держался отстраненно. Он не коснулся меня ни разу. Ни толчка в плечо, ни хватания за локоть, как любили это делать Рэтган или Глайт. Калеб шел на полшага впереди и даже не обернулся, будто понимал, что сбежать у меня не получится. Мы дошли до дверей комнаты, и Калеб остановился у порога.

— У тебя будет время до утра, — произнес он. — Я распоряжусь, чтобы слуги принесли горячую воду и ужин. Тебе нужно согреться и поесть. Путь на Север не прощает слабости.

Я замерла, недоверчиво вскинув бровь.

— Это часть твоей роли «страшного конвоира», о которой говорил Рэтган? Сначала накормить добычу, чтобы она не умерла раньше времени?

Калеб впервые посмотрел мне прямо в глаза. И в этом взгляде не было ненависти — только странная, выжженная усталость.

— Это здравый смысл, Эдаллаида. Ты будешь обузой, если отправишься в путешествие больной или голодной. Отдыхай.

Калеб отворил дверь, пропуская меня вперед, а затем дверь закрылась, и я осталась одна.

Видимо, эта спальня и раньше принадлежала Эдаллаиде, потому что все здесь было перевернуто вверх ногами, а вся одежда, включая нижнее белье, валялась на полу. И первое, к чему я приступила, это нашла уцелевшие платья и белье, отложила в сторону, чтобы взять с собой в дорогу. Глайт при обыске очень старался, не знаю, чего он хотел добиться, но многие вещи были изрезаны и испорчены.

Затем в дверь постучали, и в спальню вошла хрупкая девушка с подносом в руках. Глаза ее были опущены вниз, и, пока ставила еду на прикроватный столик, она ни разу на меня не посмотрела. Только руки ее дрожали, будто девушка испытывала испуг.

— Вода скоро будет готова, леди Эдаллаида, — прошептала она и поспешила прочь из комнаты.

Еда так ароматно пахла, а я была так голодна, что очень быстро расправилась с мясным рагу и горячим ягодным чаем. Вскоре в спальню постучали две служанки, они принесли воду и подготовили для меня ванну, и наконец-то я смогла расслабиться и отдохнуть.

Утро встретило меня сильным снегопадом и суматохой слуг, которые загружали три экипажа. Как я поняла, в одном экипаже поедем мы с Калебом и Ваннэсой, в другом будут наши вещи, а третий для охраны. Экипажи выглядели мощно и солидно, явно предназначались для долгих переездов.

Калеб, полностью собранный, стоял возле лошадей проверяя подпругу. Я не сомневалась, что вряд ли такими делами должен заниматься милорд Блайт, скорее всего, он никому не доверял.

Рядом с экипажем, съежившись от утреннего холода, переминалась с ноги на ногу Ваннэса. Она была бледной, молчаливой и, казалось, боялась собственной тени. Наверное, я со стороны выглядела точно так же.

— Грузитесь, — скомандовал Калеб, и мы с Ваннэсой зашевелились и залезли в экипаж. Причем ни я, ни девушка особой грацией не отличались.

Внутри экипажа пахло старой кожей и морозной свежестью, но холодно при этом не было, а через минуту Калеб приоткрыл дверцу, бросил внутрь плотный сверток из овечьей шерсти и забрался к нам.

— Ехать предстоит больше недели, — сообщил он, глядя куда-то поверх моей головы. — Дороги за трактом разбиты, а ночи в предгорьях станут холоднее. Держите одеяла под рукой.

Я кивнула, устраиваясь на жестком сиденье. Сидевшая напротив меня Ваннэса судорожно сжимала пальцы. Я заметила, как она то и дело бросает взгляды на Калеба, который сложил руки на груди и прикрыл глаза, откинувшись на сиденье. И во взгляде Ваннэсы уже не было того ужаса, который был в присутствии Глайта. Напротив, это были смущенные, почти восторженные взгляды, какие бросают на недосягаемого героя. Видимо, суровая прямота Калеба действовала на нее иначе, чем на меня. Потому что я в этом мужчине кроме холодности больше ничего не видела.

Пять дней пути мы провели в редких, сухих разговорах, но порой я замечала на себе пристальные, изучающие взгляды Калеба, от которых становилось неуютно. На ночь мы останавливались на постоялых дворах. Калеб всегда брал три номера: один для себя, второй для стражи и третий для меня и Ваннэсы. По дороге мы делали эпизодические остановки, чтобы размяться от долгого сидения, а когда пятый день подходил к закату, мы въехали в лес.

Дорога сразу стала значительно хуже, в экипаже трясло, а за окном мелькали заснеженные деревья, редкие путники да обозы, которые тоже куда-то спешили. Причем чем ближе мы приближались к Эртхону, тем меньше людей на пути нам попадалось.

А затем неожиданно я почувствовала запах серы и озона. Воздух в экипаже стал тяжелым. Я кинула взгляд на Калеба и увидела, что он весь напряжен, а его зрачок вытянут в вертикальную линию. Будто он к чему-то готовился.

Внезапно лошади заволновались. Я выглянула в окно и увидела, как ведущий жеребец встал на дыбы, издав тревожное ржание. Колеса экипажа резко замерли.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила я у Калеба.

Но он не ответил. Мужчина выпрыгнул из экипажа, приложил ладонь к земле, к чему-то прислушиваясь. Его лицо, и без того суровое, превратилось в маску предельной концентрации. В этот момент я почувствовала это сама. Сначала тонкий, едва уловимый звон в ушах, а затем подошвы сапог ощутили мелкую, зудящую вибрацию.

Через мгновение земля под каретой содрогнулась.

Это не было обычным толчком, звук шел из самых глубин, утробный, низкий рокот, от которого задрожали стекла в рамах. Ваннэса вскрикнула, вцепившись в мою руку.

— Слушайте меня внимательно! — рявкнул Калеб, бросаясь к дверце экипажа. — Выходите! Живо!

Внутри меня все заледенело от страха, но и ослушаться Калеба я не могла, поэтому выбралась из кареты вслед за Ваннэсой. Ее пальцы до боли впились в мое предплечье, но я почти ничего не чувствовала. Мир вокруг сошел с ума. Кони бились в упряжках, словно безумные.

— Назад! — скомандовал Калеб, оттесняя нас плечом.

В тот же миг пространство за его спиной с громким сухим треском, похожим на разряд электричества, раскололось. Вспышка белого света на мгновение ослепила. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела, что на засыпанной снегом земле, прямо под местом вспышки, образовалась узкая трещина. Из нее повалил дым, пахнущий серой и озоном. Теперь я поняла, откуда появился этот запах.

Стражники, выскочив из соседнего экипажа, бросились к разлому. Их лица были бледны, но никто не испугался и не спасовал, будто для них такая ситуация происходила не впервые.

— Проклятье! — прорычал Калеб. В его голосе появились вибрирующие нотки, и, казалось, он стал еще ниже. — Не подходить! Это не просто разлом!

Стражники остановились, а Калеб вскинул руки, и я увидела, как между его пальцами появились нити золотистого света. Калеб начал совершать плавные, размашистые движения, словно перебирал невидимые струны огромного инструмента. Воздух вокруг него загустел, он буквально «сшивал» его вокруг себя, точно ткань, стягивая края сияющего разлома золотистыми стежками.

Земля под ногами ходила ходуном. Ваннэса упала на колени, закрыв голову руками, ее крики перешли в захлебывающуюся истерику.

— Мы умрем, Эдаллаида! Мы все сейчас умрем! — вопила она, раскачиваясь из стороны в сторону.

А я оглядывалась, пытаясь понять, что делать дальше, но в голову ничего, кроме того, как слушать беспрекословно Калеба, больше не приходило. Справа и слева, в нескольких метрах от леса, пространство снова полыхнуло. Еще две вспышки, еще два потрескивающих звука, от которых заложило уши.

— Держите периметр! — крикнул один из стражников, но его голос оборвался.

Из новой, самой крупной трещины, высунулась когтистая лапа, обтянутая серой, гнилостной кожей. Следом за ней на дорогу вырвалось нечто, напоминающее помесь волка и огромного насекомого, на спине которого были десятки глаз. Тварь издала ультразвуковой свист и припала к земле, готовясь к прыжку.

— Мамочки, — вздохнула я, боясь даже пошевелиться.

— Офигеть! — Ваннэса рывком поднялась на ноги. — Да что это такое?!

Калеб остановил свое плетение и повернулся к твари. Короткое, резкое слово на незнакомом, гортанном языке, и из его ладони вырвался столб ослепительного пламени. Магия ударила монстру прямо в грудь, он отлетел в сторону и впечатался в ближайшее дерево. Раздался хруст костей и шипение прижигаемой плоти. Тварь забилась в конвульсиях и затихла, растекаясь лужей иссиня-черной, густой крови.

Калеб тяжело выдохнул и снова сосредоточился на разломе, который сопротивлялся его магии, пульсируя, как живая рана.

Я стояла как вкопанная. Весь ужас, весь шум битвы и крики Ваннэсы внезапно отошли на второй план. Мой взгляд был прикован к трупу монстра. Черная кровь медленно пропитывала белоснежный покров снега, и от нее исходил странный, дурманящий аромат. Он не был неприятным, для меня он пах металлом, медом и какой-то первобытной силой.

В голове застучало. Тук-тук. Тук-тук. Ритм моего сердца вошел в резонанс с пульсацией этой темной жижи. Внутри проснулся немой, голодный шепот: «Прикоснись. Возьми. Это твое».

Я сделала шаг вперед, совершенно не осознавая своих действий. Мир сузился до этой темной крови. Мне казалось, что если я коснусь ее, то пойму нечто важное, обрету то, чего мне не хватало всю жизнь. Моя рука медленно потянулась вниз...

— Эдаллаида, нет! — донесся откуда-то издалека голос Калеба, но он звучал приглушенно, словно через слой воды.

В этот момент из второй трещины, возникшей чуть поодаль, выскочила еще одна тварь. Она была быстрее первой. Длинное, похожее на хлыст щупальце с костяным наконечником прорезало воздух.

Все произошло в считанные секунды. Калеб, видя, что я нахожусь в зоне удара, дернулся в сторону, подставляясь сам. Острое лезвие монстра полоснуло его по плечу и груди, разрывая камзол, который мгновенно окрасился алой кровью.

Рана чужого человека привела меня в чувство. Я отпрянула в сторону и увидела, как Калеб пошатнулся, но устоял, снося голову твари ответным ударом магии. Его взгляд, полный боли и ярости, обжег меня.

Ваннэса, увидев кровь Калеба и новую волну монстров, лезущих из земли, окончательно потеряла рассудок. Она стала безумно кричать, а затем, подхватив юбки, бросилась прочь от дороги, в густую чащу леса.

— Ваннэса, стой! — закричала я, понимая, что в лесу, вдали от защиты стражников и Калеба, она обречена.

Не раздумывая, я бросилась вслед за ней.

— Эдаллаида! — Я услышала за спиной низкий голос Калеба. — Немедленно вернись!

Но я не слушала. Ваннэса больна, она еще не выздоровела, и что-то мне подсказывало, что искать ее никто не будет.

— Эдаллаида!

Голос Калеба становился тише, я чувствовала, что он хочется броситься за мной следом, но новые монстры и стражники, которые оставались под ударом, не дали ему этой возможности.

— Клянусь! Я тебя поймаю! И тогда ты пожалеешь, что отправилась в эту поездку вместе со мной!

Возможно, и пожалею, но оставить Ваннэсу одну я не могла.

Глава 7

Ветки хлестали по лицу, кожа рук ныла от ссадин, но я бежала и не сбавляла темпа. Впереди мелькало серое пятно — подол платья Ваннэсы. Она бежала вслепую, ведомая лишь ужасом, не разбирая дороги. А я, наоборот, старалась абстрагироваться от произошедшего, не думать о монстрах, которых увидела, и о моей странной реакции на кровь этого существа.

— Ваннэса! Остановись! — Мой крик тонул в завывающем ветре.

Наконец она споткнулась о поваленный ствол и рухнула на землю, не в силах больше сделать ни шага. Когда я добежала до нее, она громко плакала, закрывая голову руками, словно ожидая удара.

— Уйди! Они повсюду! Ты это видела?! Видела?! Они выпрыгивали… Они пытались нас убить… Что это за твари?

Голос горничной становился тише, пока она не стала говорить шепотом, будто боялась привлечь внимание этой нечисти.

Я опустилась на колени рядом с ней, тяжело дыша. Мои легкие горели, а сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот проломит ребра. Я осторожно коснулась ее плеча, и Ваннэса вздрогнула, медленно поднимая заплаканное лицо.

— Тише, тише... Это я, Эдаллаида. Мы в безопасности. Их больше нет.

Ваннэса смотрела на меня широко открытыми, почти безумными глазами. Крупные слезы катились по ее щекам, оставляя дорожки на раскрасневшейся от мороза коже. Постепенно ее дыхание начало выравниваться, хотя плечи все еще подрагивали от сдерживаемых всхлипов.

— Зачем? — прошептала она, недоверчиво глядя на мои исцарапанные руки. — Зачем ты побежала за мной, Эдаллаида? Ты могла остаться с ними. Что нам теперь здесь делать?

Я горько усмехнулась, оглядываясь назад, где остался шум битвы и крики монстров. Мы убежали так далеко, что уже вряд ли найдем дорогу обратно.

— Если бы я за тобой не побежала, Ваннэса, тебя бы никто не стал искать, — ответила я прямо. — Для Калеба и его людей сейчас важнее выжить и отправиться дальше в путь. Одной потерявшейся девушкой больше, одной меньше... Ты была бы лишь печальной жертвой обстоятельств и осталась в этом лесу навсегда. Они бы не стали терять время на твои поиски.

Ваннэса замерла, осознавая жестокую правду моих слов.

— А как же ты? — хрипло спросила она.

— А вот меня искать будут. — Я постаралась придать голосу уверенности, хотя внутри меня все дрожало от страха. — Калеб не из тех, кто прощает неповиновение, и уж точно не из тех, кто бросает *«свое»*. Его гордость и его ответственность перед братом заставят его прочесать каждый куст. Так что, считай, я стала твоим маяком, Ваннэса.

Она нахмурилась и кивнула, а затем я помогла ей подняться, и мы присели на поваленное дерево. Бежать больше сил не было, оставалось только ждать. И я очень надеялась, что не ошиблась в Калебе.

В итоге я оказалась права. Прошло около получаса, которые мы провели в томительном ожидании, когда до нас донесся топот копыт и громкие голоса. А затем из-за деревьев показались и всадники.

Картина, представшая перед нами, была безрадостной. Стражники распрягли уцелевших коней и теперь передвигались верхом. Трое мужчин были серьезно ранены, это я поняла по их одежде, которая пропиталась багровой кровью, а лица стражников, в том числе и Калеба, были серыми.

Калеб, кстати говоря, выглядел хуже остальных. Его левое плечо и бок были залиты кровью, а взгляд, устремленный на меня, полыхал такой яростью, что у меня от страха задрожали колени.

— Я же... обещал... — прохрипел он, когда его конь остановился рядом.

— Можешь делать со мной что хочешь, — оборвала я его, — но для начала давай я осмотрю твою рану.

— Что… хочу? — Калеб говорил нарочито медленно. — О, да… я с тобой буду делать… буду делать, что хочу…

Последние слова Калеб произнес, заваливаясь набок и падая с лошади. Я тут же к нему подбежала, стражники тоже повскакивали с седел и поспешили к своему командиру. Выглядел братец Рэтгана прескверно. И пока его свита ничего не успела мне сделать, я расстегнула камзол Калеба и принялась проверять рану.

От плеча до груди проходили три глубокие борозды от когтей, но благо кровь не пульсировала.

— Рана глубокая, — сообщила я подошедшему стражнику. — Но артерии не задеты. Сейчас он ослаб, нужно срочно остановить кровотечение. Мне нужна чистая ткань.

Стражник с негодованием посмотрел на своих товарищей, но те только покачали головой.

— Все чистые вещи остались в экипаже, леди Эдаллаида, — ответил он. — Во время битвы повозки сильно повредились, поэтому нам пришлось освободить лошадей.

— Значит, отправьте кого-нибудь за ними, — огрызнулась я, так как все вели себя, будто ничего страшного не происходит. Калеб и так уже потерял много крови. — У нас мало времени.

Стражник сомневался недолго. Посмотрел на своего начальника, который лежал в снегу без чувств, и тотчас вскочил на лошадь и помчался назад к каретам. Я оторвала ткань от нижней юбки и прижала ее к ране, надеясь остановить кровь.

Как ни крути, но жизнь этому упрямцу необходимо спасти.

Я изо всех сил прижимала ткань к плечу Калеба и видела, как она быстро тяжелеет и темнеет от липкой крови. Стражники стояли полукругом, будто переживали, что в любой момент я могу сбежать, пока их командир находится без сознания. Но у меня и мысли такой не было. Единственное, о чем я сейчас думала, так это о спасении человеческой жизни. Через несколько минут мне снова пришлось рвать свою юбку и прикладывать новый обрывок ткани к ране.

Наконец сквозь завывание ветра послышался конский топот. Тот самый стражник, что ускакал за чистой одеждой, вернулся, сжимая в руках тугой сверток.

— Достал! — выдохнул он, спрыгивая на землю. — Уилхорд как раз перетаскивает все вещи в уцелевший экипаж. Он отвезет их в Эртхон.

— А как же мы? — поинтересовалась я, забирая из рук стражника одежду.

— Мы поскачем верхом, — нахмурился он, будто я спросила глупость. — Осталось всего-то пара дней пути.

— Калеб ранен, — возмутилась я. — Какой верхом? Он без сознания.

Стражник недоуменно на меня посмотрел, но ничего не ответил.

О чем они вообще думают?

Порывшись в свертке, я нашла подходящую на повязку ткань и продолжила работать с раной Калеба. Я действовала быстро, стараясь игнорировать ледяной холод, от которого пальцы почти потеряли чувствительность. Но как только я наложила повязку на рану, Калеб резко дернулся. Его веки затрепетали, и он издал глухой, надрывный стон.

— Тише, упрямец, — прошипела я, сильнее прижимая ткань к ране. — Ты едва на тот свет не отправился.

— Ты… — Калеб с трудом сфокусировал взгляд на моем лице. Его зрачки вновь вытянулись в вертикальную линию. — Я обещал… не спускать глаз…

— Чтобы не спускать глаз, нужно хотя бы сидеть ровно. Помоги мне, — я кивнула стражнику. — Нужно приподнять его и прислонить к тому дереву. Так он потеряет меньше крови.

Стражники подхватили командира под руки. Калеб зашипел сквозь зубы, его лицо побледнело, но он позволил усадить себя, прижавшись спиной к широкому стволу дерева. А я немного подождала и, убедившись, что кровь перестала обильно течь, стала туго бинтовать его грудь.

— Слушай меня, — я присела перед ним на корточки, заглядывая в глаза. — Рану нужно шить. Когти зашли глубоко, и при любом резком движении повязка намокнет снова. Но у нас нет ни игл, ни шелка, ни огня, чтобы все стерилизовать. Тебе придется терпеть. По крайней мере, до ближайшего постоялого двора.

Калеб лишь криво усмехнулся, хотя эта усмешка больше походила на судорогу.

— Не впервой, — прохрипел он. — За меня можешь не переживать, я быстро восстановлюсь. Осмотри остальных.

Я поднялась и окинула взглядом отряд. У нас было еще двое раненых, но когда они позволили их осмотреть, я убедилась, что их раны не глубокие и сшивать края не нужно, поэтому ограничилась повязками.

Пока я занималась ранами, стражник, что отправлялся к экипажу, сообщил Калебу то, что сказал и мне. Некий Уилхорд доставит все наши вещи. Калеб, кстати говоря, быстро пришел в чувство и уже стоял на ногах.

— Милорд Блайт, — осторожно сказал стражник, — возможно, леди Эдаллаида права? Вам стоит поехать в экипаже. Рана серьезная, верховая езда только навредит…

Однако он прервался на полуслове, потому что Калеб посмотрел на него так, что стражник виновато опустил голову.

— Нет! — отрезал Калеб. — Я поеду верхом.

— Но, милорд…

— Я сказал — нет! — рявкнул он и тут же закашлялся, прижимая руку к перевязанной груди.

Я только покачала головой. Его упрямство граничило с безумием, но спорить было бесполезно.

В итоге Калеб, пошатываясь, подошел к своему коню. Было видно, каких нечеловеческих усилий ему стоит каждое движение. Но я не могла не отметить, что с каждой секундой Калеб выглядел лучше. Возможно, у этих драконов организм устроен по-другому и раны на них заживают быстрее. Калеб буквально вполз в седло, а затем протянул здоровую руку мне.

— Садись. Сама сказала — времени мало.

И тут я поняла, что не смогу. До этого момента я вообще ни разу верхом не ездила, а тут мне предлагают забраться на коня почти самостоятельно. Благо один из стражников увидел мою растерянность и, подхватив меня за талию, посадил перед Калебом.

Мы оказались так близко, что я практически прижималась к его груди, и от этого было слегка неуютно. Ваннэсу взял к себе в седло другой стражник, и таким составом мы отправились к дороге. Вот только лес будто сговорился против нас. Снегопад превратился в настоящую стену, сокращая видимость. Ориентиры исчезли. Кони шли медленно, иногда спотыкаясь о скрытые корни.

— Мы сбились, — прохрипел Калеб через какое-то время.

— Не может быть, — крикнул стражник, пытаясь перекричать вьюгу. Именно он возвращался к дороге за чистой тканью. — Я же только что здесь был. Мы скоро должны выйти к главному тракту… Наверное.

Внезапно лес расступился. Но вместо ожидаемой дороги перед нами возникло нежданное зрелище: три крепких деревянных дома, обнесенных высоким частоколом. Место казалось затерянным, но тут тяжелые ворота скрипнули и приоткрылись. Навстречу нам вышел человек.

У него были длинные волосы, простая серая ряса, подпоясанная грубой веревкой. Но самое странное — он шел по снегу босиком и, казалось, вовсе не чувствовал холода.

Незнакомец остановился в нескольких шагах от коня Калеба и поднял голову. Его глаза были светлыми, почти прозрачными.

— Вы заблудись? Я могу предложить вам кров, пока вьюга не стихнет.

Калеб дернул поводья, собираясь что-то ответить, но лишь тяжело выдохнул и обмяк, заваливаясь прямо на меня.

Глава 8

Вес Калеба оказался почти неподъемным, и я было решила, что мы оба упадем. Но стражники среагировали мгновенно — подхватили командира и стащили его с лошади, не дав нам обоим рухнуть в сугроб.

Незнакомец в серой рясе даже не вздрогнул. Он лишь шире распахнул ворота, жестом приглашая нас внутрь. Его босые ступни оставляли четкие следы на свежем снегу, но кожа не была ни синей, ни покрасневшей. Она выглядела чистой и здоровой, будто мороз лишь ласковый сквозняк.

За воротами открылся совершенно другой мир. Здесь не было паники или суеты. Несколько мужчин в таких же простых одеждах носили тяжелые ведра с водой, кто-то колол дрова, ритмично опуская топор. Все они двигались, работали и просто жили, а вьюга, казалось, окончательно сошла на нет, и природа успокоилась.

— Сюда, — коротко бросил наш проводник, указывая на самый большой дом. — Положите раненого на кровать. Здесь тепло.

Внутри пахло сушеными травами, старым деревом и чем-то неуловимо сладким, напоминающим ладан. Стражники все это время озирались с явным недоверием. Они не убирали ладоней с рукоятей мечей, даже когда бережно опускали Калеба на массивную дубовую кровать.

— Кто ты такой? — хрипло спросил один из стражников, заслоняя собой раненого. — Что это за место? На картах здесь ничего нет. Только лес.

Мужчина мягко улыбнулся и спокойно сложил руки на животе. Его светлые глаза, похоже, видели нас насквозь.

— Это священное место, — мягко ответил он. — Обитель Тишины. Мы не открываемся праздным путникам. Сюда попадают лишь те, кто в этом истинно нуждается. Вашему другу нужна помощь, которую лес не даст, а город не успеет оказать.

— Мы бы и без вас справились. Выглядите вы сомнительно, — огрызнулся стражник.

Но голос его дрогнул, когда он взглянул на лицо Калеба. Тот был бледен как полотно, а по его вискам катились крупные капли пота.

Жрец проигнорировал выпад. Он повернулся ко мне и указал на резной сундук в углу.

— Там чистая ткань, иглы и спиртовой настой. В печи кипяток. Твои руки не дрожат, дитя. Займись им.

Не задавая никаких вопросов, я бросилась к сундуку. Пальцы слушались плохо, но осознание того, что время уходит, действовало лучше любого стимулятора. Калебу становилось все хуже, его дыхание было свистящим, тяжелым.

— В когтях той твари был яд, — прошептал второй стражник, помогая мне стягивать с Калеба окровавленный камзол. — Обычный человек сгорел бы за час.

— Видимо, ваш начальник не обычный человек, — отрезала я, обнажая страшную рваную рану на его груди.

Края плоти потемнели, от них исходил едва заметный горький запах.

— Да, — кивнул стражник, — в его жилах драконья кровь... Магия должна была сразу выжечь эту заразу.

Я прижала ладонь ко лбу Калеба — он буквально пылал. Жар был такой силы, что, казалось, Калеб горит изнутри.

Оставалось надеяться только на удачу и на то, что Калеб будет сильнее этого заражения и справится.

— Сейчас нужно будет его подержать, — скомандовала я. — Как только я начну зашивать края раны, он придет в себя от боли. Не позволяйте ему дернуться, иначе я задену лишнее.

Стражники навалились на плечи и ноги своего командира. Я плеснула спиртовым настоем на рану. Калеб вскрикнул, но звук застрял у него в горле. Его веки дрогнули и распахнулись.

Вместо привычного стального блеска в его глазах сейчас плескалось расплавленное золото, именно такой был цвет его магии, когда он возился с разрывом. Калеб сфокусировал взгляд на мне и рвано выдохнул.

— Придется потерпеть, — строго проговорила я. — Будет больно, но по-другому никак.

Я ожидала борьбы. Ожидала, что он начнет метаться, когда игла первый раз проткнет кожу. Но произошло нечто странное. Он просто кивнул, соглашаясь с моими словами, а как только я коснулась его, Калеб затих. Его мышцы обмякли, и он даже не подумал сопротивляться.

Калеб не проронил ни звука, не издал ни единого стона, пока я, стежок за стежком, стягивала края раны.

Стражники, готовые удерживать его силой, в замешательстве ослабили хватку. Жрец стоял в тени, молча наблюдая за процессом.

Калеб смотрел только на меня. В этом взгляде не было боли — только какая-то пугающая, запредельная сосредоточенность. Он изучал мое лицо так, будто видел его впервые или пытался запомнить каждую черточку перед концом.

Когда последний узел был завязан, я обессиленно опустила руки. Мои пальцы были в его крови, а лоб покрыт испариной. В таких полевых условиях работать мне еще не приходилось.

— Все, — выдохнула я.

— Ты... — Его голос был тихий, но в нем чувствовалась сила. — Странная. Обычно девушки теряют сознание при виде крови.

В комнате послышались сдерживаемые смешки, а стражники смотрели на меня так, будто не испытывали ко мне никакого отвращения, даже… наоборот.

Калеб снова закрыл глаза, проваливаясь в сон. Жар начал понемногу спадать, и я стала верить, что брат Рэтгана со всем справится и скоро придет в себя.

— Ему нужно отдохнуть, — негромко сказал жрец, подходя ближе. — И вам тоже. Вьюга за стенами будет бушевать до рассвета. Здесь вы в безопасности.

Стражники бросили на него еще один недоверчивый взгляд, но спорить не стали. Они отпустили Калеба и направились вслед за жрецом.

Мы с Ваннэсой тоже поспешили выйти из комнаты. Тяжелые шаги стражников эхом отдавались в узком коридоре, однако я не могла не отметить, что внутри дом оказался больше по площади, чем выглядел снаружи. Будто он подстроился под нашу компанию.

В итоге нас разделили, мужчин устроили в просторном зале у очага, а нас с Ваннэсой отвели в небольшую келью, где на полу были расстелены пушистые шкуры.

Внутри находилось все самое необходимое, мы с Ваннэсой смогли умыться и привести себя в порядок, а чуть позже нам принесли горячий ужин. Когда я заперла дверь изнутри, Ваннэса обессиленно опустилась на мех. Она долго молчала, глядя на мерцающее пламя в камине.

— Ты была невероятна, — прошептала она, и в ее голосе я услышала странную смесь восторга и печали. — Твои руки… они не дрожали. Я видела, как Калеб смотрел на тебя. Даже в бреду он понимал, что ты возвращаешь его с того света.

Я устало прислонилась к стене, чувствуя, как адреналин постепенно сходит на нет и внутри появляется усталость.

— Это просто навыки, Ваннэса. В полевых условиях нет времени на обмороки.

— Нет, это не «просто», — она покачала головой, и ее глаза блеснули. — Я всегда восхищалась людьми, которые могут спасать жизни. Это высший дар. Я же… я только разрушаю или подчиняюсь. Рядом со мной люди страдают…

Ваннэса всхлипнула, и я опустилась рядом с ней на колени, чтобы обнять и успокоить.

— Не говори так, — прошептала я, гладя девушку по голове. — Тычестная, справедливая, умная девушка. В суде ты не стала лгать, чтобы защитить себя. Это уже говорит о многом.

— Ты напоминаешь мне ее, — всхлипнула в последний раз Ваннэса и отстранилась.

— Кого?

— Человека, которому я испортила жизнь.

— О чем ты? — нахмурилась я. — Разве ты что-то помнишь?

— Нет, — качнула головой Ваннэса. — Конечно, нет. Не слушай меня, это я так пытаюсь отойти от произошедшего.

После этого разговора Ваннэса привычно погрузилась в себя, не проронив больше ни слова. А я засыпала с мыслью, что мы с Ваннэсой можем подружиться. Мы обе оказались в затруднительном положении, но если будем держаться друг за друга, если будем помогать, то у нас обязательно все наладится.

А стоило заснуть, как мне приснился тот монстр и черные пятна крови на снегу, однако сон был глубоким, и проснулась я порядком отдохнувшей.

Утро встретило меня звенящей тишиной. Снег перестал падать, и в узкие окна-бойницы заглянуло холодное, ослепительно белое солнце.

А выйдя из дома, я замерла от удивления. Суровые стражники, которые вчера еще недоверчиво посматривали на наших спасителей, вовсю трудились во дворе. Один ловко орудовал топором, превращая массивные бревна в аккуратные поленья. Другие помогали чинить покосившуюся кровлю пристройки или таскали тяжелые мешки.

Отчитавшись перед ними, что мы с Ваннэсой проснулись, я направилась к Калебу. Он полулежал на кровати, все еще бледный, но взгляд уже был ясным. Жар действительно отступил. Увидев меня, он не скривился в презрительной усмешке. Напротив, в его глазах читалось некое подобие признательности, смешанной с глубоким раздумьем.

— Пришли требовать с меня клятву?

Голос его еще хрипел, но силы возвращались.

— Не поняла, — нахмурилась я. — О какой клятве идет речь?

— Вот только не стройте из себя дуру, леди Эдаллаида, — фыркнул Калеб. — Я говорю о *«Завете жизненной платы»*. Дайте угадаю, сейчас вы стребуете с меня клятву, а затем попросите отпустить вас и забыть? Я… не могу. Понимаю, что вы спасли мне жизнь, но у меня есть обязательства перед братом. Так что клятву я принесу, как только мы прибудем в Эртхон, затем просите что пожелаете.

— Мне от вас ничего не нужно, — я недовольно поджала губы. Клятву врача в свое время приносила я и взамен ничего не ждала. — Я пришла справиться о вашем здоровье и проверить, прошел ли жар. Судя по тому, как живо вы рассуждаете, волноваться больше не о чем. Как рана?

Я подошла к Калебу и стала его осматривать. Какое-то время он внимательно вглядывался в мое лицо, будто пытался понять, говорю ли я правду, но затем все же сдался.

— Тянет, но кровь больше не бежит. Вы хорошо шьете, леди Эдаллаида.

Калеб отвел взгляд в сторону, и между нами возникло неловкое молчание.

— Если так, то я рада, — пробормотала я. — Я тогда попрошу, чтобы вам принесли еду. Нам невероятно повезло, что мы встретили это поселение на своем пути.

— Знаете, где мы оказались? — хмыкнул Калеб, снова глядя на меня. — Это не просто отшельники или жрецы. Любое жилое поселение должно быть отмечено на карте. Так мы знаем, где могут происходить прорывы и где необходимо патрулировать. Так что, судя по тому, как они разговаривают, выглядят и двигаются, мы в гостях у первородных жрецов божественного культа.

Я замерла, меняя ему повязку.

— М-м-м, — протянула я. — Я уже говорила, что потеряла память.

— Говорили, — хмыкнул Калеб, видимо, он хотел подловить меня на лжи. Как ни крути, но даже спасенная жизнь не позволяла ему доверять мне. — Этих жрецов истребили сотни лет назад. Говорят, их принесли в жертву ради самого первого ритуала. Все поселение вырезали под корень, и именно тогда, по преданиям, произошел первый прорыв. Мир треснул, и твари выбрались наружу. Хотя… я все еще склонен верить, что это лишь подражатели древним. Они же не похожи на призраков, верно?

Калеб попытался сесть, превозмогая боль, а я обдумывала его слова. Ритуалы, прорывы, страшные твари, которые проникают в этот мир… Предстоит еще во многом разобраться.

— Нам нельзя задерживаться. Если это место — то, о чем я думаю, время здесь течет иначе. Я чувствую себя достаточно крепким, чтобы держаться в седле. Нужно уходить, пока вьюга снова не заперла нас здесь.

Я кивнула. Пусть нам и помогли, но мне тоже в этом месте было несколько не по себе.

Сборы были короткими. Стражники, раскрасневшиеся от работы, быстро оседлали коней, а я перед самым выходом решила поблагодарить жреца который приютил нас.

Я нашла его в трапезной. Он стоял спиной ко мне, склонившись над молодым парнем, который, видимо, сильно рассек руку, когда работал топором. Я хотела было предложить помощь, но застыла на пороге.

Жрец не доставал игл или чистых тканей. Он просто положил ладонь на рваную рану.

Воздух вокруг его пальцев задрожал, потянулся серебристыми нитями, и на моих глазах края кожи начали срастаться, не оставляя даже шрама. От такой картины я опешила, а когда он обернулся, не выдержала:

— Вы… вы могли это сделать. Вчера. Почему вы позволили мне зашивать рану Калеба простыми нитками, рисковать его жизнью, если могли исцелить его в одно мгновение?

Жрец мягко улыбнулся.

— Дитя, в этом мире ничто не делается просто так. Тебе необходимо было залечить рану своего надзирателя самостоятельно. От этого всем будет только лучше. Вопрос в том, почему ты использовала нитки, а не магию?

— Магию? — удивилась я.

— Именно, — кивнул жрец. — В тебе есть магия исцеления. Я чувствую ее. Думаю, тебе предстоит еще многому научиться.

Он перекрестил меня странным знаком, а затем попрощался.

Я вышла во двор в глубоком замешательстве. Получается, во мне есть магия? И я могу исцелять людей вот так просто, с помощью прикосновения? Эта мысль не давала мне покоя. А как этому научиться? У кого просить помощи?

Мы покинули странное поселение сразу же после обеда. Лошади фыркали, выдыхая пар, а впереди расстилался лес. Наш путь на Север продолжался.

Глава 9

Стук каблучков по мраморным ступеням отдавался четким ритмом, вторя биению моего сердца. Эта лестница, широкая и ослепительно белая, казалась дорогой в иной мир — мир безупречного вкуса и пугающего богатства. Богатства, которого у моей семьи больше нет.

Наверху лестницы были массивные двери из темного дуба, украшенные золотой вязью, которая на солнце вспыхивала так ярко, что мне пришлось на мгновение прищуриться.

Не успела я коснуться тяжелого кольца дверного молотка, как створки бесшумно разошлись. На пороге стоял дворецкий, который в своей накрахмаленной ливрее выглядел лучше, чем некоторые аристократы. Например, такие, как я.

— Госпожа Эдаллаида? Вас ожидают.

Дворецкий склонился в глубоком, но лишенном раболепия поклоне, как бы намекая, что все обо мне знает и не испытывает ни малейшего уважения, а затем жестом пригласил меня войти.

Холл плавно перетек в гостиную, которая больше напоминала произведение искусства. Высокие сводчатые потолки, шелковые обои цвета пыльной розы и огромные панорамные окна, заливающие помещение мягким светом. Меня усадили в глубокое кресло, и уже через минуту на столике рядом появилась тончайшая фарфоровая чашка. Аромат бергамота и цитруса заполнил пространство.

— Эда! О боги, я до последнего не верила, что ты придешь!

Дверь распахнулась, и в комнату буквально влетела миниатюрная брюнетка. Годы, прошедшие после выпуска, казалось, совсем ее не изменили: все те же сияющие глаза, та же легкая походка. В платье из тяжелого атласа она выглядела как фарфоровая статуэтка.

-Ты совсем не изменилась, Лина, — я пригубила чай, пряча легкую улыбку.

— Ой, не говори глупостей! — Лина присела на край соседнего кресла, так и лучась энергией. — Рассказывай же! Где ты была? Чем занималась все это время? Говорят, ты уезжала в южные края? Как там жизнь? Ох, Эда, я так рада тебя видеть. Честно говоря, я очень удивилась, когда ты мне прислала письмо и попросила о встрече. Я думала, что после выпуска ты уже не захочешь поддерживать с нами общение…

Я ответила не сразу и осторожно поставила чашку на столик.

— Все по-старому, Лина. Пыль дорог, старые свитки и бесконечные исследования. Ничего такого, что могло бы сравниться с блеском этого дома.

— Тоже скажешь, — махнула рукой раскрасневшаяся Лина. — Что этот блеск, когда за его стенами есть путешествия и интересная работа. Мне говорили, что ты изучала растениеводство, искала новые виды?

Я сделала паузу, внимательно изучая сияющее лицо подруги.

— Я обязательно расскажу, но давай сначала поговорим о тебе, — перевела я тему. — Весь город только и обсуждает твою свадьбу. Скажи... каково это? Каково быть истинной парой дракона?

Лина мгновенно смутилась. На ее лице появилась улыбка, а взгляд на мгновение стал мечтательным и глубоким.

— О, Эда... это трудно описать словами. Это… как если бы ты всю жизнь жила вполсилы, а потом вдруг кто-то включил солнце в твоей груди. Я чувствую его мысли, его настроение... это абсолютное счастье и защищенность. Словно ты — самая драгоценная жемчужина во всей империи, и его единственная цель — оберегать тебя.

Я слушала, не сводя глаз с подруги, внимательно вникая в каждое слово.

— Покажи мне ее. — В моем голосе прозвучала странная, почти стальная нотка.

Лина вздрогнула, ее восторженная улыбка на мгновение угасла.

— Метку? Но Эда... это ведь очень личное. Обычно ее видит только супруг.

— Пожалуйста, — мягко, но настойчиво повторила я. — Мы столько лет сидели за одной партой, неужели ты мне не доверяешь? Считай, что во мне взыграл научный интерес, я не сделаю тебе ничего дурного.

После недолгого колебания Лина вздохнула и осторожно отвернула кружевной рукав платья. На ее нежном предплечье, выделяясь на фоне светлой кожи, проступил витиеватый узор. Это была вязь из тонких золотистых и багряных линий, напоминающая одновременно пламя и крыло птицы. Рисунок казался живым — линии мерцали в такт ударам сердца.

Я подалась вперед, едва не касаясь пальцами чужой кожи и долго всматривалась в переплетение знаков, словно пытаясь заучить их наизусть.

— Красиво, — наконец выдохнула я, поднимая взгляд на подругу. — Скажи, Лина, а все метки истинных выглядят одинаково? Или у каждой пары свой, неповторимый узор?

***

— Эдаллаида… Эдаллаида, проснитесь!

Из сна меня выдернул настойчивый голос Ваннэсы, она тормошила меня и пыталась разбудить.

— Ммм… — Я перевернулась на другой бок, пробуя прийти в себя. Очередное воспоминание Эдаллаиды было таким ярким, что я чувствовала себя ослабленной и не выспавшейся. — Еще пять минут, Ваннэса.

— Милорд Блайт вас ищет, — не унималась девушка. — Он сказал, если вы немедленно не выйдете из комнаты, он зайдет без приглашения, и тогда…

— Я поняла. — Упоминание о Калебе мгновенно отрезвило, и я поднялась с постели. — Передай ему, что я скоро спущусь.

Ваннэса кивнула и поспешила к двери, но я ее остановила. Девушка обернулась.

— Ваннэса, мы с тобой договаривались, что не будем друг другу «выкать».

Ваннэса кивнула и закрыла за собой дверь в комнату, а я стала поспешно собираться, чтобы встретиться с Калебом. Если он сказал, что войдет в мою спальню без приглашения, то именно так и поступит, и даже тот факт, что я спасла его жизнь, ему не помешает.

На постоялом дворе мы остановились вчера вечером, чтобы отдохнуть самим и сменить лошадей. Однако у хозяина не было подготовленных жеребцов, поэтому нам пришлось задержаться на сутки, ожидая, пока местный конюх сменит подковы и приведет животных в порядок.

К обеду меня стало клонить в сон, вот только вместо сна я увидела очередное воспоминание. Эдаллаида пришла к своей подруге и пыталась разузнать у нее про истинность. Для чего? Она действительно подделала метку? Иными словами, совершала преступление она, а отдуваться придется мне.

После того как привела себя в порядок, я спустилась на первый этаж, где располагался трактир. Стражники уже заняли отдельный стол и выпивали, Ваннэса сидела на краю лавки и прислушивалась к разговору, а вот Калеб разговаривал с высокой женщиной в светлом переднике, которая работала здесь подавальщицей.

Как только Калеб увидел меня, он помахал рукой и попросил подойти.

— Милорд Блайт, — я постаралась придать голосу максимум уверенности, хотя внутри все еще дрожало от остатков сна. — Ваннэса мне сказала, что вы меня искали. Переживали, что я могу сбежать?

Калеб смерил меня холодным, проницательным взглядом, в котором, впрочем, промелькнула тень облегчения.

— Ваше чувство юмора просыпается раньше вас, леди Эдаллаида. Познакомьтесь, это Марта, хозяйка кухни. И у нее возникла проблема, которую решить на данный момент можете только вы.

Женщина в светлом переднике выглядела измотанной. Ее пальцы нервно терли край ткани, а в глазах была тревога.

— Миледи, ради всех Богов, помогите! — запричитала она. — Мальчишка мой, помощник, полез в погреб за маслом, оступился и скатился кубарем вниз… Теперь лежит там, стонет, а подняться не может. Костоправ из деревни будет только к вечеру, а парень бледный как полотно. Милорд Блайт сказал, вы смыслите в лечении.

Я бросила короткий взгляд на Калеба. Он едва заметно кивнул. Несмотря на его суровость, в нем иногда просыпалось странное благородство.

— Ведите, — коротко бросила я.

Мы прошли через душную кухню к узкой лестнице, ведущей в подвал. Спустившись в сырую прохладу, я увидела паренька лет четырнадцати. Он сидел на земляном полу, привалившись спиной к бочке с соленьями, и кусал губы, чтобы не кричать от боли. Его штанина была задрана, демонстрируя быстро опухающую лодыжку.

Я опустилась на колени прямо в пыль, игнорируя чистоту своего дорожного платья.

— Тише, тише. Дай посмотрю.

Мои пальцы осторожно прошлись по суставу. Мальчик вздрогнул, его лицо исказила гримаса боли, но он мужественно промолчал. Я тщательно прощупала кость, прислушиваясь к ощущениям. К счастью, характерного хруста не было.

— Перелома нет, — выдохнула я, поднимаясь и отряхивая руки. — Но растяжение очень сильное. Связки повреждены. Ему нужен тугой бинт, холод и полный покой хотя бы на неделю. Никаких лестниц и тяжестей, иначе потом могут быть осложнения.

Мальчик, услышав это, внезапно рванулся вперед, едва не упав снова.

— Нет, нет! Миледи, я могу! — затараторил он, хватаясь за край бочки. — Смотрите, я сейчас встану. Это просто ушиб. Марта, госпожа, я сейчас все принесу, я быстро…

Он попытался опереться на ногу, но тут же повалился обратно с приглушенным стоном. Его лоб покрылся крупными каплями пота.

— Да что же ты делаешь?! — Я поспешила к пареньку и помогла ему занять удобное положение. — Сказано же, что ноге нужен покой. И куда так рвешься?

— Понимаете, миледи…— Марта сложила руки на груди, и ее лицо внезапно закаменело. — Хромой работник мне не помощник, а обуза. У меня обеды на двадцать человек, стражники милорда голодные, а ты валяешься.

— Я справлюсь, честное слово! — В голосе паренька зазвучало отчаяние. — Пожалуйста, не увольняйте! У меня мама совсем слегла, сестренки маленькие… Если я не принесу грейзы, нам не на что будет купить еду.

Марта тяжело вздохнула и отвела взгляд.

— У каждого своя беда, малый. Я не благотворительная лавка. Мне нужен тот, кто будет бегать, а не сидеть на бочке. Ты уволен.

Я замерла, не веря своим ушам. Возмущение горячей волной ударило в голову, заставив забыть и о собственной слабости, и о подозрениях в подделке метки.

— Вы серьезно? — я шагнула к женщине. — Он пострадал, выполняя ваше поручение! Ему нужно всего несколько дней отдыха, и он снова будет в строю. Неужели у вас нет ни капли сострадания?

— Миледи, — сухо перебила Марта, — состраданием печь не истопишь. У меня свои дети, которых кормить надо. Всех жалеть — самой по миру пойти.

Я открыла рот, чтобы высказать все, что думаю о ее «прагматизме», но тяжелая рука Калеба легла мне на плечо, слегка сжав его.

— Успокойтесь, леди Эдаллаида, — негромко, но властно произнес он.

Я обернулась, готовая обрушить свой гнев и на него, но Калеб уже шагнул к мальчику. Он вытащил из кошеля на поясе несколько увесистых монет.

— Вот, — Калеб вложил деньги в дрожащую ладонь подростка. — Этого хватит, чтобы твоя мать выздоровела, а ты спокойно отлежался. Когда нога заживет — вернешься. Марта примет же тебя обратно, верно?

Он посмотрел на хозяйку кухни так, что та втянула голову в плечи и часто-часто закивала.

— Конечно, милорд… разумеется. Как поправится — пусть приходит.

Мальчик смотрел на монеты так, словно впервые их видел.

— Спасибо… спасибо, господин!

Мы вышли из погреба, как только я оказала пареньку первую помощь и он смог подняться с нами, чтобы оправиться домой. Уже в кухне я на мгновение задержала руку на рукаве Калеба.

— Спасибо, — тихо сказала я, — вы поступили благородно.

— Не приписывайте мне лишних добродетелей, — хмыкнул он, хотя в уголках его губ проскользнула едва заметная усмешка. — Хромой мальчишка наших стражников не накормит. Это был чисто деловой расчет.

Я улыбнулась, зная, что это не совсем так. Однако улыбка сползла с моего лица, стоило нам переступить порог общего зала таверны.

Картина, представшая перед нами, заставила мое сердце пропустить удар. Ваннэса сидела за центральным столом, окруженная тремя стражниками. Ее голова бессильно откинулась назад, а взгляд был мутным и расфокусированным. Один из стражников бесцеремонно обнимал ее за плечи, шепча что-то на ухо, а остальные гоготали, стуча ладонями по столешнице. Другой стражник, с рыжими патлами, уже тянул руку к корсажу ее платья, а Ваннэса лишь что-то бессвязно мычала, пытаясь оттолкнуть его слабой, словно ватной рукой.

— Эй, красавица, да ладно тебе ломаться, — прохрипел рыжий. — Мы же твои защитники. Давай, глотни еще, и пойдем подышим свежим воздухом…

Я пришла в себя быстрее, чем успела испугаться. Гнев обжег легкие, вытесняя всякую осторожность.

— А ну, уберите от нее руки! — возмутилась я, но мой голос едва был слышен в гуле голосов.

Я бросилась к столу, на ходу отталкивая чью-то табуретку. Стражники лениво обернулись, и один из них произнес:

— Не кипятитесь, леди, мы просто угощаем вашу горничную. Она сама не прочь повеселиться, верно, милашка?

Он снова потянулся к Ваннэсе, но я вклинилась между ними, закрывая ее собой. Девушка едва шевелила языком, пытаясь произнести:

— Эд… Эдаллаида… голова… кружится…

— Вы изрядно пьяны. Оставьте ее в покое сейчас же! — повысила я голос, стараясь перекричать их пьяный смех.

— Леди Эдаллаида, идите отдыхать, мы сами разберемся, — рыкнул рыжий, который и сам с трудом стоял на ногах и покачивался из стороны в сторону.

Однако долго стражник не возмущался. Тяжелая рука легла ему на плечо, и Калеб, до этого хранивший ледяное молчание за моей спиной, сжал пальцы. Раздался отчетливый хруст суставов и приглушенный вскрик боли.

— Кажется, я дал приказ отдыхать, а не превращаться в скотов.

Голос Калеба был тихим, но от него веяло таким могильным холодом, что даже самые пьяные стражники в зале мгновенно притихли.

Он не кричал, но в этой тишине его слова резали, как бритва. Калеб рывком развернул рыжего к себе и, не дав тому опомниться, нанес короткий, точный удар в челюсть. Громила рухнул на пол, сбивая по пути скамью. Остальные двое вскочили, но под ледяным взглядом своего командира замерли как вкопанные.

— Живо по местам, — процедил Калеб. — Если хоть одна рука еще раз потянется к женщине без ее согласия — я эту руку отрублю лично. Вон от стола!

Стражники, мгновенно протрезвев от страха, похватали свои кружки и попятились в дальний угол зала. Калеб повернулся к нам. Весь его гнев исчез, сменившись сосредоточенной деловитостью. Он опустился на колено перед Ваннэсой, мельком заглянул ей в глаза и нахмурился.

— Она едва держится, — констатировал он.

Прежде чем я успела что-то сказать или сделать, он легко подхватил девушку на руки, словно она ничего не весила. Ваннэса лишь тихо охнула, невольно прижимаясь щекой к его плечу.

— Я отнесу ее в спальню, Эдаллаида, — бросил Калеб мне через плечо, и я поспешила за ним.

Весь остаток вечера и всю бесконечную ночь я провела у постели Ваннэсы. Калеб аккуратно положил девушку на кровать и ушел разбираться со стражниками, коротко кивнув на прощание.

Бедной Ваннэсе было по-настоящему плохо. Ее лихорадило, она то бледнела, то покрывалась испариной. Я меняла холодные компрессы на ее лбу, приносила воду и держала ее за руку, когда ее выворачивало в таз. В бреду она шептала что-то невнятное, вздрагивала и пыталась от кого-то закрыться руками.

Я смотрела на нее и чувствовала горькую вину. Как я могла оставить ее одну в зале, полном пьяных стражников? Они не только наши сопровождающие, прежде всего они мужчины, разгоряченные дорогой и горячительными напитками.

Когда первые лучи холодного северного солнца пробились сквозь узкое окно, Ваннэса открыла глаза. Она выглядела измученной, под глазами залегли темные тени, но взгляд наконец стал ясным.

— Ох… моя голова… — прошептала она, пытаясь сесть.

Я подала ей стакан воды и попросила:.

— Пей медленно.

Она выпила воду и с ужасом посмотрела на меня:

— Эдаллаида, что произошло? Помню, как мне предложили кружку какого-то сидра… всего одну! Я выпила, и буквально через пять минут мир поплыл. Я не могла пошевелиться, язык не слушался…

— Одну кружку? — я нахмурилась. — Видимо, этот напиток тебе противопоказан.

Ваннэса закрыла лицо руками, и я увидела, как покраснели ее уши.

— Они… они ведь трогали меня, да? Я помню чьи-то руки… О боги, как стыдно!

— Калеб вовремя вмешался, — попыталась я ее успокоить. — Он привел их в чувство. А потом… он отнес тебя сюда.

Ваннэса замерла. Она медленно отняла руки от лица, и в ее глазах отразился неподдельный шок, смешанный с глубочайшим отчаянием.

— Он… он нес меня? Сам? На виду у всех?

— У него не было выбора, ты не могла идти.

— О нет… — застонала она, сползая обратно на подушки. — Теперь он будет думать, что я обычная пьяница, не умеющая себя вести. Как я посмотрю ему в глаза? Он ведь…он ведь такой, а я… я выглядела как последняя трактирная девка!

Я улыбнулась, погладив ее по плечу. Ее переживания казались мне таким пустяком, хоть ситуация и была неприятной.

— Думаю, ты зря переживаешь. Калеб даже не обратил на это внимания, с каждым может случиться. Давай собираться на завтрак. Калеб говорил, что утром должны подготовить лошадей и мы уедем, а тебе как раз нужно восстановить силы.

Ваннэса кивнула, и мы, приведя себя в порядок, спустились вниз. Стражников мы не видели до самого отъезда, только Калеб зашел за нами и сопроводил на улицу.

Как только мы вышли на крыльцо, трое стражников выступили вперед. Очень смущенные, они не смели поднять глаз.

— Простите нас, — хрипло произнес рыжий громила, — хмель ударил в голову, мы не со зла. Больше такое не повторится.

Остальные стражники, которые не принимали участия во вчерашнем веселье, с любопытством на нас поглядывали, пытаясь понять, как мы отнесемся к их извинениям.

Ваннэса, густо покраснев, лишь коротко кивнула и поспешила к сопровождающему, с которым она ехала все наше путешествие на одной лошади, стараясь не смотреть в сторону Калеба. Тот, впрочем, вел себя так, будто вчера ничего не произошло. Его лицо было привычно спокойным и холодным.

Весь день мы двигались на север. Уже в сумерках, когда на небе появились первые звезды, впереди показались огни. Высокие каменные стены и массивные ворота.

— Эртхон, — коротко бросил Калеб мне на ухо.

Мы прибыли. Новое место, новые люди, новая работа, новая жизнь.

Глава 10

Тяжелые створки ворот Эртхона разошлись с неохотным скрипом, словно город не желал впускать чужаков в свое холодное нутро. Нас встретил запах печного дыма, сырой земли и металлической пыли.

Эртхон не был похож на те города, которые мы проезжали, с их широкими проспектами и ухоженными большими домиками. За стенами оказалось не тесное каменное гнездо, каким я ожидала увидеть северный город, а растянутое вширь поселение, аккуратно разрезанное ровными улицами. Дома невысокие, в один-два этажа, с крутыми крышами, чтобы снег не задерживался, и узкими окнами, свет из которых сейчас ложился на землю теплыми прямоугольниками. Камень здесь был темный, почти черный, но многие двери и ставни были выкрашены в охру, зеленый или выцветший синий — будто люди изо всех сил сопротивлялись серости Севера.

Вдоль улиц горели редкие масляные фонари в тяжелых кованых оправах, пламя раскачивалось на ледяном ветру, отбрасывая длинные, пляшущие тени на глухие стены. Здесь не было праздной толпы, не слышалось смеха или музыки из кабаков. Если бы не ночь, я бы подумала, что кроме нас в этом поселении больше никого нет.

Вдали, в стороне холмов, угадывались рудники. Там работали заключенные. Те самые, ради которых Эртхон существовал.

Калеб провел нас вглубь квартала, где дома стояли чуть просторнее. Остановившись у одноэтажного строения из серого гранита с тяжелой дубовой дверью, он коротко кивнул:

— Пришли. Десятый дом по Третьей Линии.

Внутри пахло свежим деревом, воском и застоявшимся холодом нежилого помещения. Вещи, которые стражник доставил сутки назад, уже ждали нас в прихожей — сундуки стояли в ряд, как немые свидетели прошлой жизни Эдаллаиды.

Планировка оказалась на удивление удобной, лишенной столичного пафоса, но функциональной: две спальни, кухня и гостиная. На кроватях уже лежали тяжелые меховые покрывала. В гостиной был массивный камин из грубого камня. Калеб первым делом подошел к нему, бросая растопку в черное жерло.

Ваннэса тут же принялась развязывать узлы с постельным бельем, ее движения были порывистыми — она явно пыталась заглушить тревогой за хозяйство страх перед этим серым местом.

После того как Калеб растопил камин, он подозвал меня к окну, чтобы поговорить. В его руках появился тяжелый кожаный кошель, который он с глухим, значимым звоном опустил на подоконник.

— Это вам, леди Эдаллаида. Мой брат передал... как он выразился, «отступные после развода». Сказал, что это поможет вам обустроиться на новом месте и ни в чем не нуждаться первые годы. — Калеб не смотрел мне в глаза, и в его голосе проскользнула едва заметная хрипотца. — Хотя у вас и будет здесь жалованье, но вряд ли это те деньги, к которым вы привыкли.

Я развязала тугой шнурок. В местной валюте я еще не разобралась, но что-то мне подсказывало, что врученная сумма была неприлично огромной.

Это были деньги, которыми от меня откупались, чтобы я никогда не возвращалась. А может, Калеб добавил к ним львиную долю своих накоплений, прикрываясь именем брата?

— Ваннэса, — позвала я, отделяя увесистую горсть золота. — Это твоя зарплата за полгода вперед. И возьми еще столько же на хозяйство. Завтра же найди рынок, закупи муку, масло, свежее мясо и теплые вещи. На еде лучше не экономить, здесь слишком холодно.

Ваннэса охнула, пряча деньги в складках юбки, и ее глаза подозрительно заблестели от благодарности. Наверняка она даже предположить не могла, что у нее будут собственные деньги.

— Милорд Блайт, — обратилась я к Калебу, — я хотела поблагодарить вас за сопровождение и за… достойное поведение.

— Не стоит, — Калеб качнул головой. — Если у вас еще будут ко мне просьбы, то обращайтесь.

— Разве вы не уезжаете? — нахмурилась я.

Насколько мне было известно, стражники собирались покинуть город уже завтра. Их цель выполнена, злостная преступница доставлена в закрытое поселение, откуда лучше не сбегать. Да и куда бежать? Здесь у меня хотя бы есть крыша над головой, работа и средства на существование.

— Я решил задержаться на пару недель, — Калеб подозрительно сузил глаза. — Или вас это расстраивает?

— Н-нет… — Мой голос дрогнул. — Конечно, нет.

— Вот и отлично, — криво улыбнулся он. — Мне выделили дом рядом. А уеду я, как только удостоверюсь, что вы обустроились и вам больше не требуется моя помощь. Спокойной ночи, леди Эдаллаида, леди Ваннэса…

Калеб поклонился, Ваннэса изрядно смутилась и отвела взгляд в сторону.

— Я зайду завтра утром, сопровожу вас на новое место работы.

Калеб ушел, оставив после себя уйму вопросов. Зачем ему помогать мне? Он же сам говорил, что как только доставит меня в Эртхон, то тут же уедет.

С этими мыслями я отправилась готовиться ко сну. Отдохнуть действительно стоило, завтра предстоял сложный день.

Воспоминания Эдаллаиды меня больше не посещали, но все равно эта ночь прошла в тревожном забытьи. Мне снились бесконечные дороги, пыль и холодный, пронзительный взгляд Калеба, который смотрел в самую душу. Будто он видел меня насквозь, знал, что я самозванка.

Когда утреннее солнце коснулось моего лица, я не сразу поняла, где нахожусь. Скромная обстановка временного пристанища напомнила о реальности. Я в Эртхоне, и сегодня начинается моя новая жизнь.

Ваннэса уже проснулась и собралась, она выглядела воодушевленной, хотя в ее движениях еще сквозила вчерашняя робость.

— Доброе утро, Эдаллаида, — улыбнулась она. — Калеб уже на улице, стоит у дверей. Говорит, что не стоит заставлять главного целителя ждать. Мне, наверное, нужно помочь тебе…

— Нет, — я тоже улыбнулась . — С утренними сборами я справлюсь как-нибудь самостоятельно.

Я быстро привела себя в порядок. Простое платье, туго заплетенные косы — теперь я не леди из поместья, а работница целительского пункта. Выйдя на порог, я столкнулась с Калебом. При свете дня он казался еще более суровым. Его черный мундир был застегнут на все пуговицы, а взгляд внимательно изучал улицу.

— Готовы? — коротко бросил он вместо приветствия. — Идемте. По пути я покажу вам город. Вам обеим стоит знать, где вы оказались.

Мы двинулись по узким, мощеным камнем улочкам. Ваннэса пристроилась чуть позади, восторженно оглядываясь. Калеб шел размеренным шагом, то и дело указывая на ключевые здания.

— Ратуша и канцелярия, — он кивнул в сторону серого здания с часами. — Если возникнут проблемы с документами или жильем — вам туда. Но лучше не привлекать лишнего внимания властей, — сухо заметил Калеб. — А это городской рынок.

Мы приблизились к огромной площади, заполненной лотками. Здесь пахло пряностями, кожей и свежим хлебом.

— Ближайший гарнизон расположен на холме, — продолжил Калеб. — Его настоятельно рекомендую обходить стороной. Если случится беда и меня не будет рядом… — Брат Рэтгана внезапно остановился и повернулся к нам. — Ищите городскую стражу только у ворот, либо обращайтесь к патрульным. Местных жителей лучше не привлекать к своим проблемам.

Я кивнула, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Я и не мечтала, что Эртхон окажется гостеприимным местом, но новых проблем избежать все же хотелось.

Так мы дошли до окраины, где располагалось приземистое здание из темного камня. Калеб оставил Ваннэсу у рыночных рядов и проводил меня до самых дверей пункта.

В холле нас встретили две медсестры в серых передниках. Они выглядели изможденными и апатичными, а в центре зала стоял мужчина. Его рыжие, почти огненные волосы были аккуратно зачесаны назад, а белоснежный халат контрастировал с общей серостью помещения. Как оказалось, это и был главный целитель.

— Олридж Калфорд, — поздоровался с ним Калеб. — Как вам писали ранее, в целительский пункт назначен еще один сотрудник. Знакомьтесь, это леди Эдаллаида Кессел.

Я на каком-то автомате присела в поклоне, сама удивившись своей реакции. Видимо, этого требовал местный этикет, и тело это помнило.

— А, пополнение, — Калфорд окинул меня оценивающим, заинтересованным взглядом. — Леди Эдаллаида? Знать не хочу, в чем вы провинились, главное, чтобы вы понимали, в какое место попали. Здесь не будет балов, званых вечеров и прогулок по саду. Здесь нужно вкалывать.

Калеб лишь коротко усмехнулся, внимательно наблюдая за моей реакцией, а затем и вовсе отошел в сторону, стараясь слиться с окружающей обстановкой. Будто он показывал, что он еще здесь, но вмешиваться ни во что не будет. И это меня насторажило. Рядом с Калебом я не могла расслабиться.

— Я все прекрасно понимаю, милорд Калфорд, — твердо ответила я без тени улыбки. — И готова приступить к работе.

— Идемте, — бросил рыжий целитель. — У нас утренний обход. Посмотрите на свое будущее поле деятельности.

Я послушно последовала за Олриджом, и то, что я увидела, повергло меня в шок. Мы зашли в общую палату. Воздух здесь был настолько тяжелым, что хотелось зажать нос платком. Окна были заколочены, а вдоль стен стояли вплотную друг к другу грязные койки.

— Это палата для осужденных, работающих на рудниках, — буднично пояснил Олридж. — Лекарств мало, в основном мы готовим его сами из трав, которые сами же и выращиваем, так что выживает сильнейший. Ваша задача — мыть полы и выносить судна.

Я остановилась у кровати в дальнем углу. Там лежал старик, его лицо было землистого цвета. Он тяжело дышал, а под ним расплывалось огромное грязное пятно. Он лежал в собственных испражнениях, и, судя по засохшим краям, уже не первый час, а может, и день.

— Как это понимать? — я настолько разозлилась, что не могла сдержать эмоции. — Почему он в таком состоянии?

Олридж остановился и медленно обернулся, его губы тронула неприятная усмешка.

— Леди, — он подчеркнул это слово с явным сарказмом, — это безнадежный пациент. Тратить на него чистые простыни — значит, обкрадывать тех, у кого есть шанс. У нас дефицит ресурсов. Привыкайте.

— Привыкать к скотству? — я шагнула вперед, забыв о субординации. — Вы целитель! Ваша работа — облегчать страдания, а не плодить заразу. Посмотрите на эти полы, на стены... Здесь же везде грязь! Вы не лечите их, вы их добиваете!

Лицо Олриджа мгновенно пошло красными пятнами. Его высокомерие сменилось ледяной яростью.

— Послушайте меня внимательно, — он подошел вплотную, так что я почувствовала запах его сладкого до тошноты одеколона. — Вы здесь никто. Санитарка, которую пристроили по доброте душевной, вместо казни или работы на рудниках. Если вам что-то не нравится — дверь там. Но если вы еще раз откроете рот, чтобы критиковать мои методы, вы вылетите отсюда в тот же миг. И поверьте, в Эртхоне вы больше не найдете работы даже по чистке нужников.

Он круто развернулся и зашагал к выходу из палаты.

— Элена! — крикнул он одной из медсестер. — Выдай этой... «леди» ведро и щелочь. Пусть начинает с этого угла. Раз ей так дорог этот старик, пусть сама возле него и отмывает.

Глава 11

Олридж покинул палату, оставив меня одну наедине со своей злостью, а через несколько минут ко мне подошла Элена. Она не смотрела мне в глаза, ее взгляд был прикован к носкам ее стоптанных туфель. В руках она держала тяжелое железное ведро, от которого исходил резкий, бьющий в нос запах дешевой щелочи.

— Вот, — тихо произнесла она, ставя ведро на щербатый пол, из-за чего мутная вода слегка расплескалась. — Тряпки в корзине. Осторожнее с раствором, он... крепкий.

Да и черт с ним, с этим раствором. Он думает, что я сломаюсь? Это он еще не знает, что я повидала на своей практике в больнице и с чем мне пришлось столкнуться. Я чистила гнойную рану от свища после операции молодой девушке, без возможности обезболить. Там были такие крики, что рядом с возмущениями моего нового начальника они и рядом не стояли.

Стоило мне окунуть руки в воду, как кожу мгновенно стянуло. Через десять минут ладони начали гореть, а еще через двадцать — покрылись пунцовыми пятнами, которые нещадно пекли. Прежняя Эдаллаида, судя по нежной коже и тонким запястьям, никогда не держала ничего тяжелее веера или книги. Каждое движение отзывалось ноющей болью в спине, но я лишь плотнее сжимала челюсти.

Я методично, сантиметр за сантиметром, оттирала грязь с подоконников и пола. Серая жижа стекала по пальцам, забивалась под ногти, но я чувствовала странное остервенение. Это была не просто уборка — это был мой способ заявить этому миру, что я не сдаюсь.

Я собрала более-менее чистое постельное белье с пустых коек. В Эртхоне, кажется, само понятие «гигиена» считалось непозволительной роскошью. Те пациенты, кто еще мог дышать, смотрели на меня с отстраненным безразличием, но я видела, как их взгляды невольно провожали белое полотно, которое я пыталась выкроить из скудных запасов больницы.

Это постельное необходимо постирать, а затем я его буду использовать для замены. Более чем уверена, если я спрошу у Олриджа про чистое белье, он посмеется мне в лицо, а затем пошлет далеко и подальше.

После этого я выделила самые чистые простыни и пододеяльники и решила сразу же приступить к замене.

Самым сложным оказался тот самый старик. Он лежал на продавленном матрасе, едва походя на живого человека. Чтобы сменить белье, его нужно было приподнять, но мои руки дрожали от усталости, а тело мужчины, несмотря на его истощение, казалось неподъемным.

— Помогите мне, пожалуйста! — не выдержав, крикнула я в сторону коридора, где мелькнула тень медсестры.

Но в ответ донесся ледяной голос Олриджа:

— Никому не сметь подходить к ней. У леди «особый» путь целительства — через смирение и труд. Пусть справляется сама.

Я почувствовала, как к горлу подкатил ком обиды, но не дала слезам пролиться. Я просто прижалась лбом к холодной спинке кровати, пытаясь перевести дыхание. И внезапно, когда шаги Олриджа стихли, ко мне скользнула Элена.

Она действовала быстро и ловко. Без лишних слов подхватила старика под лопатки, давая мне возможность выдернуть грязную простынь и постелить относительно свежую, снятую с соседней пустой койки.

— Не сердитесь на него, — шепнула Элена, не поднимая глаз. — Господин Олридж... он делает, что может. Ресурсов нет, лекарств нет. Узники — это обуза для империи, их никто не хочет лечить. Нам приходится выживать.

— Это не оправдывает жестокости, Элена, — так же тихо ответила я, но девушка только вздохнула и отрицательно покачала головой.

Затем Элена мне показала место, где можно сменить воду, а также оставить грязное постельное белье, которое Олридж очищает с помощью магии. Я набрала чистой воды и вернулась в палату, чтобы помочь лежачим. Старик ворчал все время, пока я возилась с ним. Его бессвязная ругань мешалась с кашлем. Он пытался оттолкнуть мои руки, когда я обмывала его лицо и грудь чистой водой, вытирая липкий слой пота и грязи.

— Уйди... прочь... дай сдохнуть спокойно... — хрипел он.

Но когда влажная прохлада коснулась его пылающего лба, ворчание внезапно стихло. Он замер, широко открыв мутные, выцветшие глаза. На мгновение сознание вернулось к нему. Его костлявые пальцы судорожно дернулись и накрыли мою ладонь.

— Спасибо... — выдохнул он.

В этом единственном слове, произнесенном со слезами, блеснувшими в уголках глаз, было столько человеческого, что у меня перехватило дыхание. Элена, стоявшая все это время рядом, грустно улыбнулась. Так улыбаются те, кто давно привык видеть смерть, но еще не разучился сострадать.

Олридж вернулся через час. Он прошелся по палате, брезгливо оглядывая сияющие чистотой углы, и сухо бросил:

— Фронт работ на сегодня закончен. Можете быть свободны, леди Эдаллаида. Завтра жду вас в шесть утра. Без опозданий.

Я настолько увлеклась работой, что потеряла счет времени. На улице уже сгущались сумерки, а я за целый день так ни разу не поела. Освоиться на новой работе с таким начальником, как Олридж, будет сложнее, чем я планировала. Радовало только, что в этом мире я не одна. Сейчас вернусь домой, а меня там ждет Ваннэса, которая наверняка приготовила вкусный ужин.

Я улыбнулась этим мыслям, вышла из целительского пункта и вдохнула свежий воздух полной грудью. После палаты с тяжелобольными воздух Эртхона, пропитанный гарью и металлической крошкой, которая летела с рудников, показался мне божественным. Я шла, едва передвигая ноги, но не прошла и двух метров, как сердце пропустило удар.

За поворотом, прислонившись к стене лазарета, стоял Калеб. Дракон сложил руки на груди и с интересом за мной наблюдал, и от этого я смутилась. Он стоял здесь все это время? Неужели он был свидетелем, как я, согнувшись в три погибели, терла полы?

Я не сказала ему ни слова. Просто пошла домой, а Калеб темной тенью последовал за мной, только спина продолжала чувствовать его изучающий взгляд.

Мы так и шли в полном молчании до самого дома, но стоило двери за нами захлопнуться, как Калеб резко сократил дистанцию. Его рука уперлась в стену рядом с моей головой, преграждая путь. В полумраке его глаза горели опасным, колючим огнем.

— Хватит спектаклей. — Его голос вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Я видел, как ты работала. Видел, как ты смотрела на этого старика. Прежняя Эдаллаида скорее удавилась бы на этой простыне, чем прикоснулась к больному человеку.

Вся его вежливость в голосе мгновенно испарилась. Он наклонился ниже, так что я почувствовала его горячее дыхание.

— Кто ты такая на самом деле? — требовательно спросил он, и в этом вопросе не было ни капли сочувствия, только ледяная жажда правды. — И что ты сделала с женой моего брата?

Сердце пустилось вскачь, колотясь о ребра, как пойманная в клетку птица. Я вжалась спиной в холодное дерево двери, но это не давало спасения — передо мной был Калеб, огромный, подавляющий, источающий жар и ярость. В прихожей царил полумрак, и только его глаза прошивали меня насквозь.

— Я... я не понимаю, о чем вы, — я хотела сказать уверенно, но мой голос сорвался на предательский шепот, а пальцы судорожно вцепились в ткань платья. — Я просто устала. Работа в лазарете... это было тяжело.

— Ложь! — выплюнул он, и звук удара его ладони о стену над моим ухом заставил вздрогнуть. — Эдаллаида, о которой мы говорим, не знает слова «работа». Она считала прикосновение к простолюдину осквернением своей «высокой» крови. А ты... ты сшивала мою рану с таким видом, будто делала это всю жизнь. Или будто тебе действительно не плевать.

Он сократил расстояние до опасного минимума. Теперь я чувствовала его запах — жженого дерева и чего-то острого, хищного… Запах дракона, потерявшего терпение. Его дыхание обжигало щеку, заставляя кожу покрываться мурашками, но не от удовольствия, а от первобытного ужаса.

— Давай поиграем в правду, — процедил Калеб, и в его голосе прорезались рычащие нотки. — У меня есть пара теорий. Первая: ты искусная подделка. Но магия иллюзий не держится так долго и так естественно. Вторая — вы с моей «драгоценной» невесткой затеяли игру. Эдаллаида знала, что за свои интриги ей придется ответить перед судом и моим братом. Она нашла тебя — нищенку, актрису, сиротку, похожую на нее как две капли воды, — и заплатила за то, чтобы ты заняла ее место в этой глуши, пока она скрывается.

Я покачала головой, пытаясь отстраниться, но отступать было некуда.

— Нет, это не так...

— Сколько она тебе пообещала? — Калеб перебил меня, игнорируя протест. — Сколько грейзов должна была заплатить? Или, может быть, титул? Или она применила какое-то зелье для смены облика? Ты ее точная копия, до последнего изгиба бровей, до этого испуганного блеска в глазах. Она была змеей, а ты... ты сейчас больше похожа на кролика под взглядом удава. Куда она уехала? Куда ты ее спрятала?!

Его ярость заполняла тесную прихожую, вытесняя кислород. Мне казалось, что стены смыкаются. Страх, копившийся все эти дни, страх разоблачения, страх перед этим чужим, жестоким миром наконец прорвал плотину. Я больше не могла притворяться. Каждое слово Калеба, как удар хлыста, выбивало из меня остатки самообладания.

— Прекрати! — вскрикнула я, зажмурившись, и слезы, которые я так долго сдерживала, все-таки обожгли глаза. — Прекрати, пожалуйста! Я не она! Я не Эдаллаида!

Калеб замер. Его тяжелое дыхание на мгновение успокоилось, но он не отстранился. Напротив, я почувствовала, как он наклонился еще ниже, так что кончик его носа почти коснулся моего виска.

— Наконец-то, — прошептал он ледяным тоном. — И кто же ты? Говори. Живо.

— Я не знаю, как это объяснить... — я всхлипнула, открывая глаза, и встретилась с его жестким взглядом. — Я не из вашего мира. Я не знаю никакой Эдаллаиды, не знаю твоего брата и никогда не видела драконов до этого момента! Я просто... я просто жила своей жизнью. А потом очнулась здесь, в этом теле, в этой одежде. Я не понимаю, что происходит! Я не крала ее жизнь, я сама хочу вернуться домой!

Слова сыпались из меня беспорядочным потоком. Я видела, как брови Калеба поползли вверх, как на его лице сменилась целая гамма эмоций, от насмешливого недоверия до глубокого, тяжелого недоумения.

— Другой мир? — медленно переспросил он, будто пробуя это признание на вкус. — Ты серьезно надеешься, что я поверю в эту сказку? Души не путешествуют между мирами, это невозможно.

— Но я здесь! — я почти сорвалась на крик, вложив в эти слова все свое отчаяние. — Посмотри на меня! Ты сам сказал, что она бы никогда не пошла в лазарет. Она бы не стала терпеть Ваннэсу. Она бы не смотрела на тебя с таким ужасом, потому что знала бы, как тобой манипулировать! А я... я просто боюсь. Я боюсь тебя, боюсь этого дома, боюсь каждого своего шага, потому что он может привести к тому, что я снова окажусь перед судом!

Калеб замолчал. Его взгляд, до этого метавший молнии, вдруг стал странно изучающим.

Он больше не давил на меня физически, хотя рука все еще упиралась в дверь, преграждая путь. Он всматривался в мои зрачки, будто пытался прочесть в них код моей ДНК или увидеть отражение другого неба. Секунды тянулись мучительно долго. Я видела, как на его шее пульсирует жилка, как он хмурится, анализируя каждое мое слово.

— Другой мир... — повторил он тише, и в его голосе уже не было прежней стали, только густая, тяжелая задумчивость. — Я слышал легенды о «гостях», которые приходят из ниоткуда... Но в наших хрониках о таком не упоминали сотни лет.

Он наконец убрал руку и отступил на шаг, давая мне возможность вздохнуть. Я прижала ладони к горящим щекам, чувствуя, как меня колотит мелкая дрожь.

— Если ты лжешь, — он прищурился, внимательно в меня всматриваясь, — я это узнаю. Но если ты действительно... не она, то ситуация куда серьезнее, чем я думал. Я попытаюсь разобраться, что за магический след остался после твоего появления. Но до тех пор не говори об этом никому. Поняла?

Я судорожно кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты расскажешь об этом Рэтгану?

— Я… подумаю, — не стал обнадеживать меня Калеб. — Все будет зависеть от того, к чему приведет твое появление в этом мире. Если я почувствую угрозу…

— Я поняла, — перебила его я.

Как ни крути, сколько бы я не спасала жизнь Калебу, он не будет на моей стороне. И сдаст при первой же возможности.

В этот момент в тишине прихожей раздалось негромкое, подчеркнуто вежливое покашливание. Мы оба вздрогнули и обернулись. У входа в кухню стояла Ваннэса. Ее лицо, обычно спокойное и смущенное, сейчас было мертвенно-бледным. Она переводила взгляд с Калеба на меня, и в ее глазах застыло выражение, от которого мне стало физически больно.

Калеб, мгновенно восстановив самообладание, отскочил от меня на пару шагов, поправляя свой мундир. Его движения были резкими, почти виноватыми, что только усугубляло ситуацию.

— Ваннэса, я уже ухожу, — бросил он, не глядя на нее. — Мы с леди… Эдаллаидой, обсуждали дела лазарета.

— Да, конечно. — Голос Ваннэсы прозвучал тускло. — Дела лазарета… я все понимаю.

Калеб коротко кивнул, бросив на меня последний странный взгляд, и быстро вышел за дверь, порывисто захлопнув ее за собой. Сквозняк прошелся по ногам, но мне было холодно вовсе не от него.

Ваннэса не шевелилась. Она смотрела в пол, и я видела, как дрожат ее плотно сжатые губы.

— Ваннэса, это совсем не то, что ты подумала... — начала я, делая шаг к ней.

Мне было невыносимо совестно. Я знала, как она смотрит на Калеба, знала, что он для нее что-то значит, и то, что она увидела, выглядело как сцена из дешевой мелодрамы.

— Ужин на столе, — перебила она меня тихим, обиженным и каким-то безразличным голосом. — Он уже остывает. Приятного аппетита... леди Эдаллаида. Я уберусь утром.

Она развернулась и быстро ушла в свою комнату, так и не подняв на меня глаз. Я осталась стоять в пустой прихожей, чувствуя себя последней дрянью. Чужое тело, чужие проблемы, чужая ненависть и чужая любовь — все это навалилось на меня бетонной плитой. И я боялась представить, что же будет дальше.

Глава 12

Утро встретило меня серым небом и звенящей тишиной, которая была куда болезненней вчерашних криков. Дом казался вымершим. Я до последнего надеялась столкнуться с Ваннэсой в коридоре, поймать ее взгляд, пусть даже полный упрека, и попытаться объясниться. Но дверь ее комнаты была распахнута настежь, постель аккуратно заправлена, ни единой лишней вещи на виду. Она ушла еще до того, как я проснулась.

На столе под льняной салфеткой ждал завтрак: два ломтя хлеба, кусочек масла, сыра и остывший травяной взвар. Эта забота, проявленная через силу, ранила сильнее любого оскорбления. Ваннэса выполняла свой долг, подчеркивая пропасть между нами. И зародившиеся было теплые отношения моментально охладели.

Проглотив еду, вкуса которой толком не почувствовала, я быстро прибрала за собой. Оставлять грязную посуду после вчерашнего было бы верхом цинизма. Мысли о Калебе я старательно заталкивала в самый дальний угол сознания, сейчас на это просто не было сил. К тому же сегодня он не встретил меня у дома, так что до целительского пункта я добиралась в гордом одиночестве.

Едва переступив порог, я встретилась со своим начальником.

— Явились, — вместо приветствия бросил Олридж Калфорд. — Вы опоздали.

Он стоял посреди коридора, скрестив руки на груди, и выглядел еще более саркастичным, чем накануне. Его взгляд прошелся по моему лицу, задерживаясь на темных кругах под глазами, но сочувствия в нем не было ни на йоту. А я и забыла, что должна была прийти на работу к шести утра.

— Берите ведро, тряпку и идите в южное крыло. Нужно вымыть остальные палаты. Живо.

— Но я думала, что сегодня смогу помочь с перевязками или... — начала было я, чувствуя, как внутри закипает протест.

— Вы будете делать то, что я скажу, леди Эдаллаида, — оборвал он меня, чеканя каждое слово. — В тех палатах лежат «чистые» больные. Там должен быть идеальный порядок.

Спорить с этим человеком было все равно, что пытаться пробить лбом крепостную стену Эртхона. Я молча взяла цинковое ведро и отправилась в кладовые, где вчера набирала воду и щелочь.

Южное крыло действительно отличалось от того ада, в котором я провела вчерашний день. Стены здесь были побелены, в окнах стояли целые стекла без трещин, а воздух не выедал глаза. Палаты пустовали, за исключением одной, где на белоснежных простынях лежала молодая девушка. Она была без сознания, лицо бледное, как мрамор, дыхание едва уловимое. Я работала тихо, стараясь не тревожить ее сон, и справилась на удивление быстро. Физический труд немного прояснил мысли, но тревога за «моего» вчерашнего подопечного не отпускала.

Закончив с уборкой, я не выдержала и направилась в палату для заключенных. Старик, которого я вчера так тщательно отмывала, лежал в том же углу. Но стоило мне подойти ближе, как сердце екнуло. Его лицо приобрело землистый оттенок, кожа казалась пергаментной, а от дыхания исходил странный, едва уловимый сладковато-приторный запах.

Я коснулась его лба — сухой, горячий. Пульс частил, нитевидный. В моей душе появились сомнения по поводу его заболевания, но без полного анамнеза строить догадки я не могла.

— Милорд Калфорд! — я почти бегом вернулась в ординаторскую. — Пожилому мужчине из общей палаты стало хуже. Мне нужен его анамнез. Что в его карте? Какие лекарства ему дают? Я сталкивалась с подобными заболеваниями и могу помочь…

Олридж даже не поднял головы от своих записей.

— Не занимайтесь ерундой, леди Эдаллаида. У него гангрена и общее истощение. Ваши «прямые обязанности» на сегодня — вынос уток и мытье полов в общем зале. Приступайте.

— Вы не понимаете, от него исходит специфический запах и на вид сильное обезвоживание. Это не просто рана.

— Вон! — рявкнул Калфорд, ударив ладонью по столу. — Сколько раз мне стоит повторить, вы здесь никто! Ваше дело — чистота, а не диагностика. Если я еще раз услышу от вас советы по лечению, вылетите отсюда, не успев и глазом моргнуть.

Стиснув зубы так, что заныли челюсти, я вышла. Ярость душила, на глазах от бессилия и собственной беспомощности появились слезы, но я понимала, если я уйду, старик умрет раньше своего срока. Олридж либо намеренно, либо из-за глупости игнорировал очевидные признаки болезни, из-за этого я злилась еще сильнее.

Я вернулась в палату и снова поменяла старику белье, оно было влажным и липким. Вчера, когда я относила охапку грязных простыней в прачечную, Элена сказала, что Олридж очищает белье с помощью магии. Видимо, магия здесь заменяла стиральные машины, но, похоже, тратить ее на «безнадежных» пациентов Олридж не любил. В коридоре меня перехватила Элена и испуганно предупредила.

— Леди Эдаллаида, не усердствуйте вы так, — прошептала она, оглядываясь. — Белье у нас полагается менять раз в неделю. Олридж злится, когда приходится тратить резерв на лишнюю чистку. Он говорит, что это пустой перевод сил.

— Но пациент не может лежать в гнилье! — воскликнула я.

— Он все равно не жилец, — Элена печально вздохнула и поспешила прочь, прижимая к груди стопку бинтов.

— Как скажете, — сквозь зубы произнесла я в пустоту. — Значит, я буду стирать руками.

Осталось только придумать, как это все организовать. Грязное постельное я отложила отдельно в угол с намерением приступить к этому процессу позже, а пока вернулась в палату к старику.

— Вы слышите меня? — я осторожно погладила сморщенную руку пациента. — Пожалуйста, ответьте. Где болит? Жажда мучает?

Он приоткрыл мутные глаза. Губы его шевелились, и я наклонилась почти к самому лицу.

— Сухо… все время… сухо… — прохрипел он. — Ноги… не чувствую… будто в огне…

— А рана? Как вы ее получили?

— Наступил на гвоздь… месяц назад… Не заживает, только чернеет…

Я осторожно размотала повязку на его ноге. Зрелище было тяжелым, но типичным. Маленькая, казалось бы, рана превратилась в незаживающую язву, ткани вокруг которой начали отмирать. В сочетании с постоянной жаждой, характерным запахом от тела и потерей чувствительности в конечностях картина сложилась окончательно.

Простой несчастный случай добавился к классическому сахарному диабету, осложненному синдромом диабетической стопы.

Старик медленно умирал от высокого сахара в крови, и никакое «очищение» простыней или стандартные перевязки Олриджа не могли ему помочь. Более того, при диабете обычные методы лечения ран часто оказывались бессильны без коррекции общего состояния.

Я выпрямилась, чувствуя, как внутри все холодеет. Лекарств нет. Инсулина нет. Знаний о диабете у местных лекарей… Тут я вообще без понятия. И если я не придумаю, как облегчить его состояние подручными средствами, он сгорит за несколько дней от кетоацидоза.

— Ну что ж, Олридж, — прошептала я, глядя в сторону кабинета начальника. — Можешь считать меня поломойкой, но просто так я не сдамся.

Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, и сжала кулаки, чтобы руки не дрожали. Эмоции сейчас будут только мешать. Если я хочу спасти этого человека, мне не нужны слезы, мне нужен холодный расчет и доступ к ресурсам этого мира.

Видимо, Олридж из тех, кто считает, что женщина в медицине годится лишь на то, чтобы подносить судно или менять простыни. Мой прямой порыв помочь лишь раздражал его гор-

дость. К тому же он не имел никакого представления о моих познаниях. Прямое противостояние не на моей стороне. Чтобы он позволил мне лечить, он должен поверить, что я полностью под его контролем. Что я подчинилась.

Я методично закончила уборку. Тщательно вымыла пол, вытерла пыль с полок и привела в порядок перевязочную. Когда я закончила, спина ныла, а ладони горели, но в голове уже сложился четкий план.

Я уверенно постучала в дверь кабинета Олриджа. Когда он разрешил войти, я не влетела внутрь с горящими глазами, а замерла у порога, опустив взгляд и сложив руки перед собой. Образ идеальной, осознавшей свою ошибку помощницы.

— Милорд Калфорд, я закончила с уборкой в общем зале и перевязочной, — произнесла я мягко, почти смиренно.

Он оторвался от своих бумаг, внимательно меня рассматривая. В его взгляде читалось ожидание очередной порции дерзости, но я продолжала стоять неподвижно.

— Вот как? Быстро вы, — хмыкнул он. — Тогда на сегодня можете быть свободны.

— Я хотела... хотела извиниться. — Я сделала шаг вперед, глядя ему прямо в глаза, но без вызова, а с легким раскаянием. — Я повела себя самовольно с тем пациентом. Мои суждения были поспешны, и я понимаю, что перешла границы. Вы опытный лекарь, а я лишь... — Я сделала паузу, подбирая слово, которое польстило бы его эго. — Лишь та, кто хочет быть полезной. Однако вы были правы, не стоит мне лезть туда, куда не просят.

Олридж замер. Его брови поползли вверх. Я видела, как в его глазах недоверие сменяется самодовольным удовлетворением. Ему нравилось это. Моя покорность была для него лучшим подтверждением его собственного величия.

— Ну что ж. — Он откинулся на спинку кресла, и его голос заметно потеплел. — Приятно видеть, что вы сделали правильные выводы, леди Эдаллаида. В нашем деле гордыня плохой советчик. Если будете слушаться меня и не высовываться, возможно, из вас выйдет толк.

Я мысленно поморщилась, но на лице сохранила выражение кроткого внимания. Рыбка заглотила наживку. Пора подсекать.

— Благодарю, милорд Калфорд. Я очень ценю ваше снисхождение, — я сделала еще один шаг. — Раз уж я здесь... Я видела состояние белья, но понимаю, что на него не стоит тратить магический резерв. Я хотела бы заняться стиркой вручную… если вы не будете против, конечно.

Олридж нахмурился, снова становясь подозрительным.

— Ручная стирка? Какой от нее прок? У нас нет лишних чистящих средств для таких прихотей. Щелок и мыльный корень стоят денег, а бюджет пункта ограничен. Тратить на это грейзы я не намерен.

— О, вам не нужно беспокоиться о расходах, — успокоила его я, едва сдерживая улыбку. — У меня есть сбережения. Я приобрету все необходимое самостоятельно. Мне просто нужно ваше разрешение, чтобы пользоваться прачечной.

Лекарь изумленно хмыкнул. Дополнительный труд, да еще и за счет работника? Для него это звучало как сказка.

— Ну, если вы так горите желанием тереть постельное за свой счет, мешать не стану.

— Благодарю. И еще одно... Вы говорили, что сами изготавливаете многие зелья. Если вы позволите, я могла бы помочь со сбором и с подготовкой трав. Это освободит ваше время для более важных дел.

Идея сэкономить время окончательно подкупила Олриджа. Он встал из-за стола, взяв при этом с собой связку ключей.

— Идемте, — скомандовал он, — я вам кое-что покажу.

Он повел меня по узкому коридору на задний двор. Открыв тяжелую дубовую дверь, Олридж отступил в сторону, пропуская меня вперед.

Я невольно ахнула. За окнами завывал морозный ветер и сугробы подпирали стены целительского пункта, но здесь... здесь была весна.

Теплица, пристроенная к южной стороне здания, была настоящим инженерным чудом для этого места.

Стеклянные панели с продуманной системой обогрева удерживали внутри густой, влажный зной.

В воздухе витал потрясающий коктейль ароматов: терпкая горечь полыни, сладковатый, убаюкивающий запах лаванды, резкие нотки перечной мяты, землистый, тяжелый дух валерианы.

Здесь было идеально чисто. Грядки были аккуратно разграничены камнями, на полках в горшках ютились редкие саженцы. После серой, холодной зимы снаружи это буйство зелени казалось нереальным.

— Это мое сокровище, — с гордостью произнес Олридж, и в его голосе впервые прозвучало нечто похожее на страсть к своему делу. — Даже в самые лютые морозы мы не остаемся без свежего сырья.

Я прошла между рядами, жадно всматриваясь в каждое растение. Мой мозг лихорадочно перебирал варианты. Черника? Есть, ее листья могут немного снизить сахар. Галега? Если она здесь растет, это будет спасением, в ней содержится галегин, который действует схожим с метформином образом. Корень одуванчика, лопух... Мне нужно все, что обладает сахароснижающим эффектом. Я внимательно рассматривала растения, подмечая детали, но также с горечью осознала, что многие образцы я вижу впервые.

— На сегодня твоя задача — найти Элену, — прервал мои мысли Олридж. — Она заведует здесь порядком и объяснит тебе, какие травы нужно собрать в первую очередь для следующей порции отваров. Делай все строго по ее указаниям.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну в этом зеленом раю.

Я глубоко вдохнула теплый воздух. Олридж думал, что приставил ко мне надсмотрщика и дал скучную работу. Он не понимал, что только что вручил мне ключи от аптеки. Пока я буду «стирать белье» — смогу готовить концентрированные растворы для обработки язв. Пока я буду «собирать травы для Элены» — соберу свой собственный арсенал.

Диабет не лечится заговорами, но природу не обманешь: в этих стеблях и листьях скрыты химические соединения, которые дадут время. А время — это единственное, что сейчас отделяло моего пациента от могилы.

Я поправила фартук и отправилась на поиски Элены. Игра началась.

Глава 13

Я нашла Элену в палате для «чистых», она склонилась над бледной девушкой и меняла на ее руке повязку. Я подождала, пока она завершит работу, и передала поручение Олриджа.

Элена не стала тратить время на пустые разговоры и, проведя меня в небольшое помещение, которое служило здесь чем-то вроде ординаторской, протянула узкий свиток пергамента. Список был внушительным: манжетка, листья брусники, корень цикория и несколько растений, чьи названия мне ни о чем не говорили, но по зарисовкам рядом с описанием свойств я узнала в них местные аналоги антисептиков.

— Нам нужно собрать это до вечера, — прошептала Элена. — Господин Олридж очень строг к срокам.

— А кто обычно занимается приготовлением самих снадобий? — спросила я, как только мы вернулись в оранжерею. Я постаралась придать голосу оттенок праздного любопытства, пока мои пальцы ощупывали жесткий стебель манжетки. — Это очень сложная и кропотливая работа. Неужели господин Олридж доверяет ее медсестрам?

Элена негромко рассмеялась, и этот звук был похож на звон маленького колокольчика.

— Что вы! Господин Олридж сам готовит каждое лекарство. Он... он просто обожает с этим возиться. Знаете, иногда мне кажется, что смешивать составы и наблюдать за реакциями в колбах он любит даже больше, чем лечить живых людей.

Она вдруг осеклась, заметив мой пристальный взгляд, и густо покраснела.

— Я… я приношу свои извинения, я не то хотела сказать... Господин Олридж замечательный целитель! Просто... увлеченный. Давайте приступим к сбору, иначе не успеем.

Мы принялись за работу. Элена оказалась удивительно педантичной. Каждое растение требовало своего подхода. К примеру, листья брусники нужно было аккуратно срезать маленькими ножницами, не повреждая основной стебель, а корни цикория выкапывать узкой лопаткой так, чтобы не надломить тонкие отростки.

— Теперь промывка, — наставляла она, когда наши корзины наполнились. — Вода должна быть ледяной, из подземного источника. Промываем трижды, едва касаясь лепестков, чтобы не смыть целебную пыльцу. А сушить нужно только в тени, на льняных полотнах, иначе солнце «выжжет» всю силу.

Пока наши руки были заняты монотонным трудом, я решилась продолжить расспросы. В голове не укладывался образ холодного, властного Олриджа, который с упоением возится с растениями.

— Скажите, Элена, — начала я, раскладывая влажные листья на ткани, — если господин Олридж так предан науке и созданию лекарств, почему его назначили главным целителем здесь, в Эртхоне? Это ведь пограничье, к тому же рядом рудники… Такое место не для исследований.

Элена вздохнула, ее движения замедлились.

— У него не было выбора. Олридж приехал в Эртхон за сестрой. Ее осудили... говорят, за воровство императорской казны, но господин клянется, что ее подставили. Сестру сослали сюда, на рудники, и он последовал за ней, добившись назначения, чтобы быть рядом.

— На рудники? — охнула я. — За воровство?

Сейчас я как никогда убедилась в том, как мне повезло. По сравнению с деяниями Эдаллаиды проступок сестры Олриджа казался сущим пустяком.

— В леди Кассалет совершенно нет магии, — с грустью произнесла Элена. — Для других целей она была бесполезна.

Элена понизила голос до едва различимого шепота и продолжила:

— Его сестра очень больна. Тяжелый грудной кашель, который не проходит месяцами. Она живет в женском крыле для осужденных, но каждый вечер господин Олридж забирает ее в лазарет. Он сам делает ей ингаляции, не доверяя это никому. Вы бы видели его в эти минуты... Он смотрит на нее так, будто она — единственное, что удерживает его в этом мире.

Я замерла с пучком травы в руках. Образ «ледяного тирана» дал трещину. В груди шевельнулось странное чувство: смесь сочувствия и горького узнавания. Я слишком хорошо понимала Олриджа. Там, на Земле, в той, прошлой жизни, у меня тоже была сестра. Рак — это медленный палач, и я провела сотни ночей у ее постели, изучая медицинские справочники, погрузившись в исследования и споря с врачами, хватаясь за любую соломинку, лишь бы подарить ей еще неделю жизни. Оказывается, мы с Олриджем были чем-то похожи, так как оба отчаянно сражались с судьбой ради тех, кого любили.

— И где же он разрабатывает лекарства? — спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— О, у него есть отдельный кабинет в конце коридора, — ответила Элена, уже возвращаясь к своему обычному спокойному состоянию, но затем моментально осеклась. — Но туда запрещено входить без приглашения. Господин Олридж внимательно за этим следит.

Постепенно со сбором трав было покончено, причем успела я собрать не только то, что требовал Олридж, но и то, что было необходимо мне, а перед тем, как отправиться на отдых, я решила заглянуть к своему «безнадежному» пациенту.

Старик продолжал неподвижно лежать, его дыхание было тяжелым и шумным. В миске у кровати стояла нетронутая каша, и я выругалась сквозь зубы. Чистые углеводы — яд для него в нынешнем состоянии.

Я тихо подошла к его кровати. В складках фартука у меня были спрятаны свежие листья черники и одуванчика, которые я успела «прихватить» во время сбора.

— Пейте. — Я поднесла к его губам кружку с чистой водой, в которой настояла размятые листья. — И вот это... пожуйте. Это поможет.

Старик с трудом приоткрыл глаза. Мутный взгляд сфокусировался на моем лице.

— Как тебя зовут, дочка? — прохрипел он.

— Эдаллаида. А вас?

— Гарлейд... — он закашлялся, и я приподняла его голову, давая еще воды.

Я уже отстранилась от его постели, когда Гарлейд внезапно вцепился в мою руку. Его пальцы, сухие и горячие, неожиданно крепко сжали мое запястье, а в глазах, полных боли, вспыхнул огонек надежды — той самой страшной, отчаянной надежды, которая заставляет людей бороться до последнего вздоха.

— Скажите мне... Эдаллаида... — Его голос сорвался на шепот. — У меня есть какие-то шансы? Я еще увижу внуков или пора готовиться к встрече с Богами?

Я смотрела на его иссохшую руку, судорожно цепляющуюся за мое запястье, и чувствовала, как внутри все сжимается от тягучей, горькой жалости.

— А что говорит целитель Олридж? — тихо спросила я, стараясь не отводить взгляда. — Какое лечение он назначил? Какие давал прогнозы?

Старик издал звук, похожий на сухой смешок, перешедший в свистящий кашель. Он махнул свободной рукой в сторону двери, и в этом жесте было столько презрения, сколько не выразить и сотней слов.

— Этот?.. — прохрипел Гарлейд, сплевывая на пол. — Недолекарь… Он ко мне и на три шага не подходит. Заглянет в дверную щель, поморщится, словно от тухлятины, и велит покормить кашей. Говорит: «Боги забирают свое, не мешай им». Весь его присмотр — это ожидание, когда я освобожу койку.

Я прикусила губу. Гнев на Олриджа вспыхнул с новой силой, мое к нему отношение менялось со скоростью света. Но сейчас важнее было другое. Я глубоко вздохнула, понимая, что ложь в данном случае худшее из преступлений.

— Послушайте меня, Гарлейд. — Я осторожно накрыла его ладонь своей. — Ваше положение плохое. Очень плохое. Инфекция в стопе уже начала отравлять вашу кровь. Если оставить все как есть, то долго вы… В общем, в скором времени вы встретитесь с Богами.

Гарлейд замер, его зрачки расширились.

— Но есть один шанс, — быстро добавила я. — Нужно провести операцию, так как необходимо убрать источник заразы. Если ампутировать стопу сейчас, пока гангрена не поднялась выше колена, у вас будут все шансы выкарабкаться. Вы выживете.

Лицо старика в мгновение ока преобразилось. Жалость в его глазах сменилась яростной, дикой злобой. Он оттолкнул мою руку с неожиданной силой.

— Ампутация?! — взревел он, и голос его окреп от гнева. — Ты… ты изверг, девка! Ты хоть понимаешь, что несешь? Как я буду на рудниках работать без ноги? Кто меня кормить станет? Здесь калеки долго не живут, я даже не знаю, что хуже!

Он отвернулся к стене, тяжело дыша и содрогаясь всем телом.

— Уходи! Слышать тебя не хочу! Лучше сдохнуть целым, чем гнить заживо обрубком под забором!

Я не обиделась. Ни капли. В его словах была своя страшная логика этого жестокого места. Здесь тело было инструментом, а без инструмента человек терял право на существование. Я лишь поправила его одеяло и тихо отошла. Время еще оставалось, хоть и катастрофически мало. Нужно было дать ему переварить эту мысль.

Я нашла Олриджа в его кабинете. Он пересчитывал какие-то склянки и даже не поднял головы, когда я вошла.

— Господин Олридж. — Мой голос звучал ровно и отстраненно. — Со сборами на сегодня покончено. Все травы разобраны, сушильня заполнена. Нужна ли вам еще какая-то помощь?

— Нет, — буркнул он, не отрываясь от дел. — Можете быть свободны. И завтра не опаздывайте, работы будет вдвое больше.

Я молча кивнула и вышла, однако прежде чем отправиться домой, решила заглянуть на местный рынок. Он оказался шумным, пестрым и не слишком чистым местом, но именно здесь билось сердце поселения. Первым делом я направилась в книжную лавку, тесную каморку, пропахшую пылью и старым клеем. Издания по ботанике и медицине здесь были скудными и, как я поняла, пробежавшись по нескольким страницам, наполовину состояли из суеверий, но мне удалось выудить пару томов. В одном описывались свойства редких растений, в другом магические исцеления. Мало, но хоть что-то.

Затем я переместилась в хозяйственный ряд. Вид серого постельного белья в целительском пункте стоял перед глазами. Мне нужны были сильные чистящие средства, щелок, мыльный корень — все, что смогу найти. Гигиена — это половина успеха, а в этом лазарете о ней, казалось, забыли напрочь.

Уже нагруженная свертками, я направлялась к выходу на центральную улицу, когда мой взгляд зацепился за группу девушек у прилавков с овощами. В центре стояла Ваннэса. Она выглядела совсем иначе, чем когда прислуживала мне. Расслабленная, веселая, она что-то увлеченно рассказывала трем девушкам. Они звонко смеялись, что-то обсуждая.

Я направилась прямо к ним. По мере моего приближения смех затихал, словно его срезали ножом. Девушки выпрямились, их лица приняли выражение вежливого, но холодного любопытства.

Ваннэса же и вовсе опустила глаза в землю, теребя край своего передника.

— Леди Эдаллаида? — ее голос прозвучал робко. — Вы что-то хотели?

Остальные рассматривали меня так, словно я была диковинным зверем, забредшим в их сад. Это пристальное внимание вызвало у меня резкий укол раздражения. Почему они смотрят

так, будто я здесь лишняя? Почему рядом со мной просто нельзя расслабиться и вести себя так, будто я обычный человек?

— Ваннэса, мне нужна твоя помощь, — произнесла я холоднее, чем планировала. — Дома накопилось много дел, к тому же мне нужно помочь донести пакеты, — я показала на свертки в руках. — Идем.

— Но… я как раз… — она бросила быстрый, тоскливый взгляд на подруг, которые сочувственно переглянулись. — Хорошо.

Девушка попрощалась с приятельницами, чей шепот за моей спиной стал слышен, стоило нам отойти на пару шагов. Ваннэса покорно взяла из моих рук часть пакетов, и в этот момент меня полоснуло чувство вины. Мелкое, гадкое торжество от того, что я сорвала ее веселье, испарилось, оставив после себя лишь горечь. Я ведь могла справиться сама. Я вызвала ее не из нужды, а из-за мимолетной вспышки эгоизма и одиночества.

Настроение окончательно испортилось. Мы шли по узкой улочке к дому в полном молчании. Ваннэса плелась чуть позади, глядя себе под ноги, а я сжимала в руках свертки с книгами и думала о том, что в этом мире, где у людей так мало радости, я только что отняла у кого-то крупицу счастья просто из вредности.

Глава 14

Холодный мрамор пола впивался в колени, но физическая боль была ничем, по сравнению с тем ледяным ужасом, что сковал мое сердце. Я, Эдаллаида, младшая из семьи Кессел, всегда верила, что наш дом — это крепость, защищенная честью, которая зарабатывалась годами и поколениями, а также древней магией. Почему это происходит? За что?

Мои всхлипы становились все громче, переходя в судорожное икание. Перед глазами стоял образ доброго Патрика, который еще утром украдкой принес мне лишнее миндальное печенье, а теперь лежал бездыханным у подножия парадной лестницы.

Мы же были образцом для всей империи! Я помню восхищенные взгляды дам на званых вечерах, помню, как сам Император благосклонно кивал отцу, отмечая его преданность престолу. Моему брату Эвану пророчили пост главы магического совета. Нас называли «золотой аристократией». Неужели все это было ложью? Неужели все те люди, что заискивающе улыбались нам, сейчас стоят за спинами этих налетчиков?

— Эманнаила, — прошептала я, хватая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.